

Международный экологический фонд
ИНСТИТУТ НООСФЕРНЫХ РАЗРАБОТОК И ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю. Ю. Н о в и к о в

Ф И Л О С О Ф Р У Б Е Ж А В Е К О В

(посвящается 150-летию со дня рождения А. Бергсона)

М о с к в а

2009

Новиков Ю.Ю.

Философ рубежа веков (посвящается 150-летию со дня рождения А. Бергсона)/Предисл. В.П. Визгина. – М., Ин-т ноосферных разработок и исследований, 2009. – 53 с.

В настоящей брошюре рассмотрены этапы жизненного пути и деятельности выдающегося французского философа и педагога, общественного деятеля и борца за мир, Нобелевского лауреата Анри Бергсона. Достаточно подробно проанализирован его концептуальный континуум. В частности, впервые показана роль мыслителя и его последователей в становление учения о ноосферы. Рассмотрены вопросы влияния идей Бергсона на культурную, литературную жизнь и искусство современной ему эпохи.

Брошюра предназначена для студентов обществоведческих ВУЗов, аспирантов, преподавателей, научных работников и широкого круга читателей, интересующихся жизнью и творчеством замечательного философа и мыслителя – А. Бергсона.

ББК 5д Бергсон А.

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подвижник творческой мысли

(п р е д и с л о в и е)

Имя замечательного французского философа и мыслителя, Анри Бергсона, столь ярко вспыхнувшее на звёздном небе Философии в конце XIX – начале XX века и, казалось, закатившееся за горизонт интереса в послевоенные годы, сто лет спустя снова привлекает к себе умы, как на его родине, так и в России. Кстати, именно Россия опередила все другие страны в быстроте реакции на главный его труд, первой опубликовав перевод «Творческой эволюции», этого настоящего шедевра философской литературы. Чем же снова привлекает к себе ищущие умы этот философ, творивший сто лет назад? Не стерильная абстракция горделивого ума была в центре его размышлений, а конкретная творческая жизнь человека и всей природы, всего универсума. Интеллектуальная понятийная деятельность, считал Бергсон, лишь восполняет присущий нам роковой недостаток прямого восприятия самих вещей. Он зовёт нас питаться не соломой пустых слов и мёртвых абстракций, а живой водой личного опыта, в котором нам приоткрывается реальность в подлиннике. Этот контакт с нею он называет интуицией, за которой, как за флагманом, движется эскадра интеллектуального флота.

Жизнь у А. Бергсона, творчески фонтанируя, «лётся через край», как и у немецких романтиков. Но, в отличие от них, он не ставит перед собой заведомо невыполнимых задач. Его классический вкус, принесший ему славу Нобелевского лауреата по литературе, тому порукой. Нет более великого урока, чем гармония этих двух начал – кипящей в творческом порыве мировой жизни и человекомерного вкуса в её постижении, в любом поступке, мысли и слове. Созидательная жизнь не поддаётся механике формализма, отвлечённому шаблону:

«Чего не мог постигнуть ты душой,

Не объяснить винтом и рычагами!»

(И.-В. Гёте).

Духовно-нравственному началу учит нас, по слову Б. Пастернака, именно вкус. Бергсон понял, что тайна обновления философской мысли – в её союзе с внутренним художником, живущим в нас, равно как и в природе и космосе. А. Бергсон – скромный труженик мысли, сознающий себя простым служителем истины, путь к которой он пробивает, чувствуя локоть других её искателей. Человек – соратник бытия в деле раскрытия его в его истине, а не одиночный номад в этом захватывающем деле. И в наше время это осознаётся особенно ясно. Живое творчество, философским пророком которого выступил французский мыслитель, движется сотворчеством. Космический художник угадывается вкусом и симпатией, доступными для человека, стремящегося ввысь, не порывая при этом с землёй. Поэтому будущая философия жизни, сочувственно вбирая как никогда разросшееся сегодня ветвление древа наук о жизни, – это художественно ориентированная мысль. В этом новом проекте философии жизни и творчества, личности и космоса мысли французского философа будут бесценным инструментом.

Великий французский философ **Анри Бергсон** (1859-1941) был человеком рубежа XIX и XX столетий. Он прожил большую жизнь, ровно половина которой прошла в XIX, а другая – в XX веке. И это отразилось на его творчестве. Он был мыслителем, сложившимся в динамичном и романтическом XIX столетии, но, тем не менее, он вполне принял прагматические тенденции XX века. Временна́я изменчивость векового перехода обусловила концептуальное развитие Бергсона. Он ставил и решал вопросы философии времени, философии жизни, философии морали. А. Бергсон стал одним из родоначальников современной западноевропейской философии, внесшим свой вклад в формирование новой неклассической философии, лежащей в русле эмпиризма, в изменении понятия рациональности, в создании нового образа человека и Вселенной, наряду с В. Дильтеем, О. Шпенглером, Ф. Ницше, У. Джеймсом и другими философами, стоявших «на перепутье» двух столетий, двух философских традиций и связавших в своём творчестве «век нынешний и век минувший».

В своей Нобелевской речи Бергсон подчеркивал: «Поскольку девятнадцатое столетие характеризуется небывалым прогрессом в технических открытиях, то обычно считали, что подобные изобретения в результате простого умножения чисто материальных богатств должны были иметь своим следствием также и повышение нравственного уровня человечества. Накопленный опыт, напротив, убеждал, что развитие технологии в обществе людей, в нём живущих, не означает автоматического обогащения их нравственности и что рост материальных средств, которыми владеет человечество, даже может представлять опасность, если не дополняется соответствующими достижениями в духовной сфере».

Двадцатый век А. Бергсон хотел видеть более гуманным, более приспособленным для реализации проявлений свободы и творчества человека. Однако международная ситуация не оправдывала его надежд. Тоталитаризм, фашизм, насилие омрачили последние годы жизни мыслителя, который сам стал жертвой немецкого нацизма. Бергсон верил в созидательные, разумные потенции человечества, и его ближайший ученик Э. Ле Руа вместе с его последователем П. Тейяром де Шарденом стали одними из основоположников теории ноосферы – сферы разума и гармонии.

Жизненный путь

Выдающийся французский философ Анри Луи Бергсон родился в Париже 18 октября 1859 г. на улице Ламартина, в доме 18. Со стороны отца А. Бергсон происходил от польских евреев и датчан, а со стороны матери - от ирландских и английских евреев.

Отец Анри, Мишель Бергсон, прекрасный музыкант, учившийся у Шопена, покинул Варшаву, где он родился, затем путешествовал по Европе, был профессором и директором Женевской консерватории и, в конце концов, поселился в Англии. Здесь он принял английское гражданство и женился на Кэтрин Левинсон, очень религиозной женщине, тщательно исполнявшей иудаистские законы. М. Бергсон остался в истории музыки как автор педагогического трактата по игре на фортепьяно, сочинитель нескольких опер, блестящий пианист и органист. Он умер в 1898 году, но влияние его на сына было весьма значительно, в частности, благодаря отцу А. Бергсон всю жизнь увлекался музыкой. Мать не только смогла познакомить сына с культурой Англии, но и способствовала тому, чтобы он свободно владел двумя языками - французским и английским. Это помогло Анри впоследствии в подлиннике познакомиться с трудами английских философов – от Локка и Беркли до Спенсера.

Когда ему было восемь лет, семья снова переехала в Париж. С 1868 по 1878 г. Анри учился в лицее Бонапарта (современное название «лицей Кондорсе»), подавая большие надежды, как в области гуманитарных наук, так и в математике. Он также получил еврейское религиозное образование. (Однако в возрасте 14 лет Анри начал разочаровываться в религии и к 16 годам потерял веру, как считал его биограф Юд, это произошло после знакомства юного А. Бергсона с теорией эволюции Ч. Дарвина). В 19-летнем возрасте юноше удалось решить сложную математическую задачу, за что он был удостоен почётной премии. Имея блестящие перспективы в естественных науках, юный Бергсон, тем не менее, предпочёл изучать философию. Во время обучения он увлекся, казалось бы, несовместимыми философскими учениями Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Важную роль в том, что юный Бергсон выбрал философию своей профессией сыграл преподававший в лицее Бенджамен Обэ, занимавшийся помимо философии христианской апологетикой [Barthélemy-Madaule M., 1967].

Анри отличался хорошими манерами и отменным прилежанием как в лицее, так и в Высшей нормальной школе (École normale supérieure), куда он поступил в ноябре 1878 г. на отделение гуманитарных наук. Вместе с будущим знаменитым оратором и известным политическим деятелем Ж. Жоресом он с увлечением изучал античных писателей. Но Анри не участвовал в бурной светской жизни и политических дискуссиях, а так же, как и в лицее, много занимался: читал и штудировал философские произведения, особенно своих предшественников-«эволюционистов» Спенсера и Гюйо. Во время обучения он стал помощником библиотекаря, и всё свободное время проводил в библиотеке, дополнительно изучая философскую литературу. Непосредственными преподавателями Бергсона-студента были Эмиль Бутру, известный философ-спиритуалист, и Леон Олле-Лапрюн,

католический мыслитель-моралист, также занимавшийся христианской апологетикой, оказавший значительное влияние на сознание молодого Бергсона, который уже тогда наметил будущую философскую программу: бороться с позитивизмом и кантовским идеализмом, ибо они воспринимались им как различные виды одного и того же - интеллектуальной тирании.

После получения диплома в ноябре 1881 г. А. Бергсон преподавал в лицее в городе Анже. Здесь в августе 1882 г. он впервые выступил с публичной речью на церемонии вручения наград учащимся лицея. Его речь была направлена против ложной, с его точки зрения, концепции высшего образования, сводившейся к изучению отдельных узких специальных дисциплин. Понимая, что разделение наук и существование специализации вполне оправдано, он, тем не менее, ратовал за то, чтобы учёный в своей исследовательской деятельности отправлялся не от частного, фрагментов целого, а от самого этого целого: «Каждый из нас должен был бы начать, как это делало всё человечество, с благородного и наивного стремления всё знать. Не следует погружаться в специальную науку, прежде чем рассмотреть сверху общие очертания всех остальных. Ведь истина одна; частные науки изучают её фрагменты, но вы познаете природу каждого из них, только поняв какое место он занимает в целом».

Во время работы в лицее Анже Бергсон перевёл и издал в качестве учебного пособия по курсу риторики и философии «Отрывки из Лукреция», снабдив их грамматическими, филологическими и историческими комментариями и предисловием [Блауберг И.И., 2003]. В 1-й половине 1883 г. он также перевёл на французский язык книгу английского психолога Джеймса Салли «Иллюзии чувств и разума», которая в дальнейшем явилась стимулом для исследования природы сновидений.

В ноябре 1883 г. А. Бергсон перешёл в лицей Блеза Паскаля в Клермон-Ферране, а затем преподавал на историко-филологическом факультете местного университета. В этом городе на родине Б. Паскаля, как свидетельствовал Бергсон, господствовал «культ изящных искусств и духовной жизни». В Клермон-Ферране он посещал салон библиотекаря Альбера Мэра, где впервые принял участие в сеансах гипноза. В результате молодой учёный написал свою первую статью «О бессознательной стимуляции в состоянии гипноза», опубликованную в журнале «Философское обозрение».

В Клермон-Ферране перед А. Бергсоном встал сакраментальный вопрос, на протяжении столетий волновавший учёных, вопрос, над которым много размышлял Августин: «Так что же такое время?». Он понял, что научное познание и осмысляющие его концепции позитивизма не могут найти ответ на этот вопрос. Поэтому предметом рефлексии Бергсона стал опыт науки, рассматриваемый под иным углом зрения проблему

времени. В результате он приступил к написанию своей первой основополагающей философской работы «Опыт о непосредственных данных сознания (Essai sur les données immédiates de la conscience), 1889». Начиная с этой работы, А. Бергсон определил своё место «справа» от наиболее идеалистических представителей кантовского идеализма. Он выступил против «кантовского релятивизма», признавая правомерность метафизики, с другой стороны, он утверждал, что путь подлинного познания сверхрационален. За это эссе и небольшую диссертацию на латинском языке «Идея места у Аристотеля (Quid Aristoteles de loco senserit)» Бергсон в 1889 г. был удостоен степени доктора филологии Парижского университета.

Ещё осенью 1888 г. А. Бергсон переехал в Париж, где ему предоставлялось гораздо больше возможностей для научно-преподавательской деятельности, чем в близком его сердцу Клермон-Ферране. В Париже у Бергсона не только расширился круг общения, но легче было следить за научными достижениями коллег, к его услугам также были богатые научные библиотеки. На протяжении последующих десяти лет Бергсон преподавал в лицее Людовика Великого (1888-1889), колледже Роллен (1889-1890) и лицее Генриха IV (1890-1898). В эти годы он написал свою вторую основополагающую работу «Материя и память (Matière et mémoire: Essai sur la relation du corps à l'esprit)», опубликованную в 1896 г.

В 1892 г. Анри Бергсон женился на 19-летней Луизе Нойбергер, мать которой была двоюродной сестрой матери М. Пруста. Марсель Пруст был шафером на их свадьбе. 16 марта 1893 г. в семье молодых супругов родилась дочь Жанна, которая, будучи глухонемой, стала впоследствии известной художницей.

В 1898 г. как признанный учёный А. Бергсон стал лектором-магистром (профессором) философии Высшей нормальной школы, а в 1900 – возглавил кафедру греческой философии в Коллеж де Франс, весьма престижном учебном заведении. Бергсон оказался прекрасным профессором. Он излагал идеи новой философии с мастерством прекрасного оратора, и они производили впечатление резкой перемены философской перспективы. Лекции Бергсона принесли ему известность и успех. Обаяние его выступлений перед аудиторией отмечал биограф философа Ж. Шевалье: «Его речь была спокойна, ритмична и благородна. Необычайная уверенность и поразительная точность, завораживающие музыкальные интонации, даже некоторый дефект дыхания имели что-то от кокетства» [Chevalier J., 1948]. Последователь Бергсона Этьен Жильсон, в течение года посещавший его лекции в Коллеж де Франс в своих воспоминаниях писал, что чувства его студентов были подобны тем, которые испытывали когда-то юные ученики Сократа, среди которых был великий Платон, мы «слушали его с восхищением и симпатией» [Gilson E., 1959]. А крупнейший французский философ Г. Марсель, в молодости также

посещавший лекции А. Бергсона, писал в мемуарах: «Я приходил на них каждый раз с надеждой на откровение. Именно Бергсону я обязан своим освобождением от духа абстрактности, губительные свойства которого, значительно позже, я должен был раскрыть» [Marcel G., 1971].

В Коллеж де Франс вокруг А. Бергсона стали объединяться его ученики и последователи, часть из которых слушала его лекции ещё в Высшей нормальной школе: Шарль Пеги – впоследствии известный писатель и публицист, начавший издавать в то время журнал, в котором обсуждались вопросы политики и культуры, Жан Маритен, Этьен Жильсон, Анри Фосийон, Жан Валь, Эдуард Краковский и Танкред де Визан, а в дальнейшем уже зрелый исследователь Эдуард Ле Руа, впоследствии ставший преемником Бергсона на кафедре. К этому кругу некоторое время примыкал молодой философ Габриэль Марсель, впоследствии ставший одним из основоположников христианского экзистенциализма.

В 1900 г. в Париже состоялся 1-й международный философский конгресс, на котором Бергсон выступил с сообщением «Заметки о психологическом происхождении нашей веры в закон причинности». В этой небольшой работе автор рассматривал проблему перехода причинности, данной в индивидуальном опыте, к причинности как универсальному закону природы. В ней А. Бергсон подчёркивал, что эмпиризм слишком «интеллектуализирует» веру в закон причинности, идя от науки, а не от жизни.

14 декабря 1901 г. при поддержке своего бывшего преподавателя в Высшей нормальной школе Э. Бутру Бергсон был избран в Академию нравственных и политических наук. Теперь он регулярно выступал на заседаниях в академии и являлся экспертом на проводившихся время от времени конкурсах научных работ, а также рецензентом появлявшихся в печати книг. Эта деятельность существенно расширила его собственный философский горизонт.

В 1903 г. была опубликована одна из важнейших философских работ А. Бергсона – «Введение в метафизику (Introduction a la metaphysique)». В ней, показывая, в чём основное различие между естественными науками и философией, он подчеркивал, что научное познание стремится подчинить себе природу, «замораживая поток времени», сводя целое к дискретным, поддающимся анализу элементам. Философия же проникает в суть вещей посредством интуиции и сопереживания. По убеждению автора, для развития человека одинаково необходимы и естественные науки, и философия, однако только философия по-настоящему созидательна и жизнеспособна.

В феврале 1904 г. в соответствии с традицией, сложившейся в Академии нравственных и политических наук А. Бергсон выступил с речью в память о своём предшественнике, чьё

место он «унаследовал» после его кончины, - Феликсе Равессоне. В этом докладе прозвучал рефрен, развёрнутый философом в его главной работе «Творческая эволюция»: «Равессон показывает нам в начальном процессе создания материи движение, обратное тому, которое осуществляется, когда материя организуется».

Эпохальная книга А. Бергсона «Творческая эволюция (L'Evolution créatrice), 1907», в которой рассматривался широкий круг вопросов, в частности эволюция живых организмов, и вводилась метафора «жизненного порыва», оказала огромное влияние не только на академические круги, но и на широкую читающую публику. «Даже в консервативной профессорской среде, где новаторские идеи Бергсона успехом не пользовались, о его таланте говорили, затаив дыхание, – писал американский философ-прагматист Уильям Джеймс, горячий поклонник Бергсона, - а студенты ходили за ним по пятам с разинутыми ртами». По мнению Джеймса, читателей подкупало не только содержание книг автора, но и их стиль. «Ясность изложения, – писал он, – это первое, что поражает читателя Бергсона и захватывает вас настолько, что сразу же возникает желание стать его учеником. Это просто чудо, он настоящий волшебник».

В 1906-1908 гг. А. Бергсон после прочтения книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» и её обсуждения начал изучать работы по истории христианства и в домашнем кругу часто размышлял о преимуществах различных конфессий. Он испытывал симпатию к католическому модернизму, представителем которого был его ученик Э. Ле Руа. В свидетельствах христианских мистиков Бергсон увидел возможность, во-первых, обоснования подлинных этических принципов и, во-вторых, уточнения вопроса о происхождении жизненного порыва (в его философской концепции это, впрочем, взаимосвязанные стороны) [Блауберг И.И., 2003].

В 1911 г. А. Бергсон заявил о причастности своей работы к проблемам морали. В публикациях 1911-1912 гг. начала звучать новая для него нота – раздумье о жизненной ориентации человека и перспективах его морального совершенствования. Проблема смысла жизни, а вместе с тем тема морали как обоснования метафизической концепции всё сильнее овладевала Бергсоном.

В 1913 г. А. Бергсон посетил США, где читал лекции по теории познания на тему «Духовность и свобода» в Колумбийском университете. На обратном пути он заехал в Лондон, где был избран президентом Общества психологических исследований и прочёл публичную лекцию.

В 1913-1914 гг. в Санкт-Петербурге было выпущено (после нескольких отдельных изданий его основных работ) собрание сочинений А. Бергсона в 5 томах, что свидетельствовало о большом интересе русской гуманитарной интеллигенции к его

работам. Об этом швейцарская исследовательница Ф. Нэтеркотт написала в книге «Философская встреча: Бергсон в России (Une rencontre philosophique: Bergson en Russie) – 1907-1917» [Netercott F., 1995]. В 1917 г. А. Бергсон был избран почётным членом Московского психологического общества. Его работы оказали влияние на таких русских философов, как интуитивисты Н.С. Лосский и С.Л. Франк, эмпириокритицисты В.А. Базаров и П.С. Юшкевич, часто цитировавшие их [Блауберг И.И., 2009].

Завоевав своими произведениями, лекциями и выступлениями беспрецедентный авторитет во Франции и за рубежом, Бергсон, однако, не избежал тяжелых испытаний. В 1911 г. группа националистов-антисемитов начала травлю философа из-за того, что он был еврейского происхождения. А. Бергсон предпочитал не отвечать на подобные выходки. В 1914 г. его работы попали в индекс запрещенных книг Католической церкви, так как концепция Бергсона рассматривалась как вредное для римского католицизма учение. Одновременно А. Бергсона критиковали некоторые его коллеги – профессора Сорбонны, которые не принимали его нетрадиционную, шедшую вразрез с позитивистской позицией трактовку ряда философских проблем. Однако в целом учёные Франции высоко оценили заслуги А. Бергсона перед отечеством и мировой культурой. В 1914 г. Бергсон был избран во Французскую академию «бессмертных», и стал президентом Академии нравственных и политических наук.

Его воззрения сделались настолько модными, что и либеральные католики, и синдикалисты пытались приспособить его философию для своих целей. Лекции Бергсона о «творческой эволюции» в Коллеж де Франс перед Первой мировой войной пользовались большим успехом у студентов. Следуя рекомендациям Уильяма Джеймса, лекции часто посещали приезжавшие в Париж американцы. В начале 1914 г. А. Бергсон получил приглашение прочесть курс лекций «Проблема личности (Problem of Personality)» в Эдинбургском университете. Он прочитал его в весеннем семестре, но осенью лекции из-за начала Первой мировой войны возобновить не удалось. Вместо этого Бергсон написал две острополюемических статьи «Значение войны (The Meaning of War)» и «Эволюция германского империализма (The Evolution of German Imperialism)», где доказывал, что, в сущности, война представляет собой конфликт между самовозбуждаемой жизненной силой (представленной теми, кто, подобно французам, защищает духовную и политическую свободу) и саморазрушающим механизмом (представленным теми, кто хочет, подобно немцам, обожествить массы), надеясь, что мировая война приведёт «к омоложению Франции и нравственному возрождению Европы». Во время войны Бергсон в ряде выступлений пытался осмыслить происходящее с философских позиций, выявить глубинные социокультурные причины войны и наметить перспективы выхода из создавшейся ситуации.

В то время А. Бергсон также представлял свою страну в дипломатических миссиях, направленных в Испанию и США. Во время встреч с президентом США В. Вильсоном он убеждал его принять окончательное решение о присоединении страны к Антанте и поддержать инициативу французского президента о послевоенном создании Лиги наций, апеллируя к идее И. Канта о свободной ассоциации государств, построенной на принципах международного права. Бергсон предлагал американскому «президенту-идеалисту» восстановить после войны мир и «открыть новую эру в истории человечества». В 1919 г. дипломатическая деятельность А. Бергсона была отмечена орденом Почётного легиона степени командора (предыдущих степеней он был удостоен ранее).

В ноябре 1919 г. он стал членом Высшего совета образования Франции и выполнял эту работу до 1925 г., много сделав для реформы высшего образования. Тогда же к философии А. Бергсона стали относиться с большим вниманием после того, как стала известна теория относительности А. Эйнштейна, давшая новую трактовку времени. В 1919 г. был издан сборник докладов и выступлений Бергсона «Духовная энергия», предшествовавший его полемике с гениальным физиком, в котором в дальнейшем развивались положения о философской интерпретации проблемы времени.

После Первой мировой войны Анри Бергсон с 1921 г. занимал пост председателя Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций (предшествовавшего ЮНЕСКО). В состав комитета входили такие выдающиеся учёные как Нобелевские лауреаты Альберт Эйнштейн и Мария Складовская-Кюри. На первом пленарном заседании комитета в Женеве в августе 1922 г. Бергсон говорил, что видит свою задачу в осуществлении «великого идеала братства, солидарности и согласия между людьми», идеала, который может быть быстрее реализован в высших интеллектуальных сферах, а затем сможет воздействовать на широкие массы людей. На этом поприще А. Бергсон уделял большое внимание международной политике и много сделал для сотрудничества и мирного сосуществования между нациями. Так, благодаря усилиям Бергсона в Париже был создан Международный институт сотрудничества.

В 1920 г. А. Бергсон серьёзно заболел артритом и в 1921 г. ушёл в отставку с должности профессора Коллеж де Франс, а в 1925 г. – с поста председателя Комитета по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций. К этому времени оптимизм, который породила его философия в предвоенные годы, начал сходить на нет.

В 1927 г. А. Бергсон был удостоен Нобелевской премии по литературе. При вручении награды представитель Шведской академии наук Пер Хальстрем в своей

вступительной речи следующим образом охарактеризовал главное достижение Бергсона: «Проделав брешь в стене рационализма, он высвободил колоссальный творческий импульс, открыл доступ к живой воде времени, к той атмосфере, в которой человек сможет опять обрести свободу, а стало быть, – родиться вновь». К сожалению, А. Бергсон по состоянию здоровья не смог лично присутствовать в Стокгольме на церемонии вручения премии и послал в Шведскую академию письмо, в котором, в частности, говорилось «Исторический опыт доказал, что технологическое развитие общества не обеспечивает нравственного совершенства живущих в нём людей. Увеличение материальных благ может даже оказаться опасным, если оно не будет сопровождаться соответствующими духовными усилиями». Денежную часть премии Бергсон передал для создания фонда, который должен был оказывать материальную помощь писателям, нуждавшейся в ней для подготовки своих работ.

Стоически перенося мучительную болезнь, Бергсон сумел вопреки ей завершить большой труд «Два источника морали и религии (*Deux Sources de la Morale et de la Religion*), 1932». В этой замечательной работе нашли своё наиболее полное выражение его представления о религии и моральных проблемах. Бросая вызов философии рационализма, мыслитель доказывал, что мораль, равно как и религия, имеет эмоциональную, а не логическую основу.

В последние годы жизни А. Бергсон погрузился в христианскую мистику и принял католичество как истинное мировоззрение. Тогда он заявил: «Правду сказать, ничто не отделяет меня от католицизма» [Delattre F., 1941]. Согласно написанному им в 1937 г. духовному завещанию, философ расценивал католицизм как в целом плодотворное завершение иудаизма.

Однако, в начале Второй мировой войны в условиях преследования нацистами евреев Бергсон, невзирая на последствия, сохранил верность своим национальным традициям. Когда правительство Виши, решив сделать для известного философа и академического руководителя исключение, сообщило ему, что на него антиеврейская мера не распространяется, Бергсон от подобного привилегированного положения отказался и, как все лица еврейского происхождения, прошел унижительную регистрацию, несмотря на свой преклонный возраст и болезни. Как писал Е. Томлин, «этот молчаливый протест, никем не замеченный и почти анонимный в своём смиренном величии, предрешил его конец». Во время ожидания регистрации на холоде у дверей немецкой комендатуры он сильно простудился.

Вскоре после этого 3 января 1941 г. А. Бергсон скончался от пневмонии в Париже. Надгробную речь произнес его друг и последователь поэт Поль Валери. Он подытожил

суть философского подвига Бергсона: «Тогда как философы, начиная с XVIII в., находились большей частью под влиянием физико-механистических концепций, наш знаменитый собрат позволил, к счастью, увлечь себя наукам о жизни. Его вдохновляла биология. Он внимательно изучил жизнь и понял её, и постиг как носительницу духа. Он не побоялся отыскивать в наблюдениях за своим собственным сознанием аргументы, бросающие свет на проблемы, которые никогда не будут разрешены. И он оказал существенную услугу человеческому разуму, восстановив и реабилитировав вкус к медитации, непосредственно приближенной к нашей сущности... Подлинное значение философии - только в том, чтобы обратить мышление на себя самого. Это усилие требует от того, кто стремится его описать... особого подхода и даже изобретения подходящей для этой цели особой манеры выражения, так как язык иссякает вблизи от своего собственного источника. Именно здесь проявилась вся мощь гения Бергсона. Он дерзнул позаимствовать у поэзии её волшебное оружие и соединил силу поэзии со строгостью, от которой не терпит отклонения дух, вскормленный точными науками».

В 1945 г. с мемориальной лекцией об А. Бергсоне выступил его ученик и преемник в Коллеж де Франс Э. Ле Руа. Вскоре было создано Общество друзей Бергсона, первым президентом которого стал Ф. Делатр. Общество приступило к изданию ежегодника «Бергсонские исследования (Les études bergsoniennes)», на страницах которого выступали такие крупные философы как Р. Арон, Э. Брейе, М. Геру, А. Гуйе и др., регулярно помещались рецензии на книги Бергсона и архивные материалы. В 1959 г. в год столетия философа был проведён специальный философский конгресс «Бергсон и мы», сопровождаемый мемориальной выставкой.

11 мая 1967 г. в парижском Пантеоне на одной из колонн была выбита надпись: «Анри Бергсону - философу, жизнь и творчество которого сделали честь Франции и человеческой мысли».

Философские концепции А. Бергсона

Изучая философию, молодой Бергсон испытал влияние идей неоплатонизма, христианского мистицизма, Б. Спинозы и Р. Декарта, а позже - психоанализа и психоаналитически ориентированных учений. Прежде, чем взгляды А. Бергсона окончательно сформировались, ему пришлось подвергнуть сомнению множество предпосылок, которые разделяли современные ему философы. Мироззрение Бергсона формировалось непосредственно под влиянием французского спиритуализма, восходящего к Мен де Бирану, некоторое влияние на него оказал Ф. Шеллинг через его последователя Ф. Равессона. Воззрения, направленные против механицизма и

догматического рационализма, всё ещё оставались в стиле старых представлений о причине и следствии, хотя за сто лет до этого им был брошен вызов в трудах Д. Юма. Согласно этому взгляду, всё, что содержится в следствии, существует ранее в причине. Аксиомой считалась идея, что ничто не возникает из ничего, и поэтому не может появиться ничего действительно нового. Однако уже по самому понятию эволюции в реальности происходит нечто прямо противоположное. Поэтому молодой Бергсон подверг сомнению применимость к явлениям жизни традиционного принципа причинности.

Для А. Бергсона предмет физической науки и предмет науки о жизни существенно отличались друг от друга. Поскольку человек сам является живым существом, именно в самом себе он может наилучшим образом увидеть различие двух способов существования. Ещё более глубокой и новаторской была идея о самой природе существования. Начиная с древнегреческих мыслителей, целью большинства философов было определение всех вещей в терминах бытия – постоянно пребывающего, вечного, неизменного. Но изучение эволюции показало, что фундаментальной реальностью следует считать сам поток (у греческих философов – «становление»). Редуцировав постоянный процесс изменения к системе фиксированных материальных элементов, наука подчинила природу предвзятой и искусственной схеме «механического повторения». Значительным вкладом А. Бергсона в философию была новая концепция существования как изменения во времени, длительности, свободного, творческого движения жизни.

В первой большой работе «Опыт о непосредственных данных сознания» Бергсон ввёл основное понятие своей метафизики - динамическую природу времени. В полемике с теориями психологического детерминизма и психофизики он описывал человеческое сознание как непрерывно, изменяющуюся, творческую реальность, как поток, в котором мышление составляет лишь поверхностный слой, подчиняющийся потребностям практики и социальной жизни. В глубинных же своих пластах сознание может быть постигнуто лишь усилием самонаблюдения (интроспекции) и интуицией. Учёный полагал, что философы-детерминисты (Г. Спенсер и др.) не учитывали непредсказуемые, новые и творческие элементы при принятии решения, которые суть продукты живого времени и истории. По мнению Бергсона, свободная воля, которая, как и любая другая временная категория, может быть постигнута только интуитивно – является редким, однако решающим, элементом в развитии человеческого сознания.

Центральным для его философии стало *понятие времени*. Позиция А. Бергсона, возрождавшая давние философские трактовки времени (Локк, Беркли, Юм), которые подчёркивали содержательный, качественный характер времени, во многих отношениях в будущем оказалась созвучной таким философским течениям, как феноменология Гуссерля

и фундаментальная онтология Хайдеггера [Блауберг И.И., 2003]. Бергсон отличал «научное время», которое измеряется часами и другими средствами, и «чистое время» как динамичный и активный поток событий - поток самой жизни. Это время переживается непосредственно, и внутри него возможно действовать свободно. Только интеллект действует во времени в первом смысле. Он организует и концептуализирует все отдельные сущности, последовательности, состояния и даёт реальности ясный и оригинальный аспект, которыми они фактически не владеют. Интеллект имеет практическую направленность, позволяет нам выжить, но в то же время, полагал А. Бергсон, это приводит к философской ошибке, а именно: даёт ошибочную картину мира.

Бергсон объяснял различие между сознанием и протяжением. Поток сознания в его трактовке сконструирован таким образом: он не является хаотическим изменением, а целостность сознания однозначно концентрируется его динамическим видением, идеей о том, что каждое состояние сознания человека выражает всю личность. Русский религиозный философ С. Аскольдов так охарактеризовал эту особенность бергсоновской концепции: «... достаточно установить хотя бы относительную прерываемость единства сознания. Эта задача неоднократно разрешалась в истории философии. Наиболее блестящее и разительное её разрешение дано в философии Бергсона»[Аскольдов С., 1913].

Физическая наука (например, если взять представления Р. Декарта) есть познание бытия как пространственного протяжения, в котором мы можем определить отношения частей мира друг к другу – в геометрическом смысле и в соответствии с фиксированными причинными законами. Материя, которая вполне реальна, лучше всего описывается физикой. Однако жизнь отличается от материи, и человек сознаёт это непосредственно, в самом себе. «Сознание есть неделимый процесс», его «части взаимно пронизывают друг друга».

Во всём присутствует целое. Сам человек – существо, обладающее памятью, и поэтому он не находится во власти действующей в данный момент силы или сиюминутного импульса. Прошлое не предопределяет здесь настоящее, ибо человек самопроизвольно меняется в настоящем и потому свободен. Человеческий опыт философ считал применимым ко всему живому. Материалистическая схема приложима ко всему, что имеет протяжение в пространстве; однако имеется и другой важный аспект реальности – длительность. Задачей философии является постижение времени, как оно протекает в процессе жизни. А. Бергсон писал: «Интервал длительности существует только для нас и вследствие взаимного проникновения наших состояний сознания, вне нас нельзя найти ничего, кроме пространства, и таким образом одновременностей, о которых нельзя даже сказать, что они следуют друг за другом объективно». Причём автор различал «физическое время», которое имеет пространственное выражение, и длительность –

«время сознания». Последнее содержит в себе развитие. События, которые создают его, неповторимы, и потому обладают непрерывностью, направлены в будущее. По Бергсону, непосредственно, а значит, достоверно не только то, что мы постигаем в собственном сознании, но и то, что даётся чувствами. Отсюда наше восприятие материи не является, по крайней мере, в принципе относительным и субъективным: оно верно отображает нам предмет; просто конкретное восприятие неполно, поскольку связано с нашими потребностями.

Под влиянием ньютоновской физики время стало восприниматься как константа, последовательность дискретных моментов, наподобие точек на прямой или секундных отметок на часах. А. Бергсон же, напротив, доказывал, что время, воспринимаемое живым организмом, является динамичным, изменчивым и качественным. Математическое время есть просто некоторая прямая, в которой различные моменты равноправны друг перед другом. Именно таким временем оперируют математика и математическая физика. На этой прямой совершенно безразлично, прошлое здесь, настоящее или будущее - таких понятий для линейного времени не существует, но для любого человека всегда есть понятие прошлого, настоящего и будущего. И более того, со всей остротой возникает проблема, высеченная ещё Аристотелем и гениально показанная Августином Блаженным, - то, что время, понимаемое как единство прошлого, настоящего и будущего, попросту исчезает: прошлого уже нет, будущего ещё нет, а настоящее есть неуловимое мгновение, которое поймать невозможно. Это переживание времени Бергсон назвал длительностью. Проживаемое время, которое автор именовал термином «durée» (длительность), могло быть воспринято только интуитивно, причём его воздействие слишком трудноуловимо и объёмно, чтобы измерить его с помощью аналитических методов позитивизма. Длительность есть тот самый материал действительности, который находится в вечном становлении, никогда не являясь чем-то законченным. Концепция Бергсона, возрождавшая очень давние философские традиции трактовки времени (к примеру, представления о времени Августина), стала стимулом для разработки этой проблемы иными течениями философской мысли, в том числе феноменологией Гуссерля, фундаментальной онтологией Хайдеггера, католическим модернизмом.

В следующей работе «Материя и память» А. Бергсон заявил, что задачей философии является постижение времени, как оно протекает в процессе жизни. Целью этого эссе автор поставил проблему сближения на концептуальном уровне сознания, памяти и материи. Бергсон пытался показать отношения разума и материи, причём реальность обоих понятий утверждалась путём анализа памяти, которая является «пересечением разума и материи». В данной работе А. Бергсон разрабатывал проблему

уровней сознания и способности «уловить» сознание в его «ускользающей самобытности» [Суворова А.Н., 2007].

Материя в трактовке Бергсона является одушевлённой и качественной, в отличие от трактовки Декарта, представляющей материю-протяжённость как «косный неощущающийся» субстрат, существование которого отрицал Беркли. А. Бергсон подчёркивал, что ещё в материализме стоиков материя есть пассивное начало, а качество – начало активное, но при этом сама материя наделена качествами. Он пояснял это положение, говоря об отличии трактовки материи стоиками и Аристотелем: «... для Аристотеля чистая форма лишена материи и, следовательно, не телесна. Напротив, для стоиков форма неотделима от материи, более того, она протяжённа, как материя. Качество сопряжено материи. Действительно, между абсолютно несходными принципами не могло бы существовать ни симпатии, ни взаимодействия».

Философ доказывал, что материя и сознание, тело и рассудок, восприятие и память – это явления, реконструированные самим рассудком из фактов непосредственного опыта, той первичной интуиции, которая открывает нам нераздельную движущуюся непрерывность. Бергсон утверждал, что, прежде всего, длительность обнаруживает себя в памяти, так как именно в памяти прошлое продолжает существовать в настоящем. Память в трактовке автора фактически тождественна сознанию, она совпадает с ней «по протяжённости».

Философ утверждал, что понятием *память* обычно объединяют две радикально отличные вещи, и подробно рассматривал это различие. «Прошлое переживает себя, – писал он, – в двух различных формах: во-первых, в виде двигательных механизмов, во-вторых, в виде независимых воспоминаний. Например, о человеке говорят, что он помнит стихотворение, если он может повторить его наизусть, то есть, если он приобрёл некоторую привычку или механизм, позволяющие ему повторить ранее проделанное действие. Но он мог бы, по крайней мере, теоретически, быть способным повторить стихотворение, и не помня тех предыдущих случаев, когда он читал его раньше. Таким образом, этот вид памяти не включает осознания прошедших событий. Второй вид, который только один и заслуживает названия "памяти", представлен воспоминаниями тех отдельных случаев, когда человек читал стихотворение, причём каждый случай не похож на другие случаи и связан с определённой датой. Это не вопрос привычки, так как каждое событие происходило только однажды и произвело впечатление сразу. Предполагается, что каким-то образом всё, что когда-нибудь с нами случалось, помнится, но, как правило, доходит до сознания только то, что полезно». Кажущиеся провалы памяти, как доказывал Бергсон, являются в действительности провалами не психической части памяти, а

моторного механизма, вводящего память в действие. Этот взгляд подтверждался данными физиологии мозга [Павлов И.П., 1923] и явлениями потери памяти, из которых, как утверждал А. Бергсон, следовало, что истинная память не является функцией мозга. («Мозг оказывается орудием действия», - писал автор). Прошлое должно быть действием материи, воображаемым разумом. Память не есть эманация материи; разумеется, более близким к истине было бы противоположное утверждение, если бы мы подразумевали под материей то, что схвачено в конкретном восприятии, которое всегда имеет некоторую длительность. «Память в принципе должна быть силой, абсолютно независимой от материи. И если дух есть реальность, то именно здесь, в явлении памяти, мы можем экспериментально войти с ним в соприкосновение», - утверждал философ.

Бергсон писал: «Переходя ... от чистого восприятия к памяти, мы окончательно оставляем материю и переходим в область духа». Дух, оставаясь радикально отличным от материи, соприкасается с ней в акте восприятия. Чистая память для А. Бергсона противоположна чистому восприятию, по отношению к которому он занимал ультрареалистическую позицию. «В чистом восприятии, - писал он, - мы в действительности находимся по ту сторону самих себя. Мы соприкасаемся с действительностью объекта непосредственно интуицией». Он настолько полно идентифицировал восприятие с его объектом, что почти совсем отказывался называть его психическим. «Чистое восприятие, - утверждал Бергсон - которое является низшей ступенью разума, разума без памяти, - это действительно часть материи, в том смысле как мы понимаем материю». Чистое восприятие образуется пробуждающимся действием, его действительность лежит в его активности. Именно таким путем мозг оказывается связанным с восприятием, так как он не является инструментом действия, функция мозга есть ограничение нашей умственной жизни тем, что практически полезно. Можно заключить, что, если бы не мозг, мы могли бы воспринимать всё, но на самом деле мы воспринимаем только то, что нас интересует. «Тело, всегда обращённое к действию, имеет своей основной функцией ограничение жизни духа относительно действия», - писал философ. Фактически, это инструмент выбора.

А. Бергсон не был антисциентистом и вовсе не отвергал науку, но, утверждая бесконечную изменчивость и неоднородность реальности, призывал к иной ориентации познания, к созданию познавательных средств, способных постичь эту реальность в её единстве, глубине и своеобразии. В «Материи и памяти» Бергсон в результате сложных философских построений пришёл к чрезвычайно важной для его концепции *идее о неразрывной связи познания с действием*, его изначально практической напряжённостью. Именно в этом пункте он противопоставляет свою концепцию предшествующим учениям о

познании. Такой подход, с его точки зрения, позволяет преодолеть общий постулат идеализма и реализма о восприятии как чистом сознании, приводящий к неразрешимым проблемам [Блауберг И.И., 2003]. Эти философские направления, по А. Бергсону, вынуждены для объяснения связи сознания и материи прибегать к теории сознания как эпифеномена (в случае материалистического реализма), либо к гипотезе о предустановленной гармонии (в случае идеализма). Если же сразу принять точку зрения действия, ситуация прояснится и не будет необходимости вводить какие-либо дополнительные условия. Тогда-то, с позиции философа, мы возвращаемся к принципу здравого смысла «*sens commun*», согласно которому мы непосредственно постигаем предмет таким, каким он дан сам по себе, т. е. в нём самом, а не в нас. Основу познания составляет чистое восприятие, но в реальном познавательном процессе оно всегда взаимодействует с памятью, и этот процесс образует различные уровни, планы сознания.

В целом в эссе «Материя и память» получил развитие органический взгляд на человека и мир, подход к их осмыслению с позиций целостности. Память предстаёт интегрирующим моментом сознания, обуславливающим единство и самоидентичность человека [Блауберг И.И., 2003]. «Материя и память» стала для Бергсона важным этапом на пути реализации его исходной цели – создания «позитивной метафизики», в этой работе жизнь «тела» противопоставлялась жизни «духа» и одновременно, как считает современный французский философ Ф. Вормс (2009), манифестировались «имманентным образом обе эти жизни сразу».

Ранние работы А. Бергсона, посвященные исследованию длительности и памяти, обеспечили ему прочную основу для создания теории сновидений, согласно которой сны являются связью между памятью и восприятием. В 1901 г. был опубликован очерк Бергсона о сновидениях, в основу которого легла лекция, прочитанная в Институте психологии. Как и другие философы, А. Бергсон поддерживал теорию соматических стимулов, или «оптическую», – теорию сновидений, согласно которой некоторые из визуальных образов, характеризующих сновидения, могут быть результатом стимуляции зрительного нерва. Однако Бергсон понимал, что соматические стимулы являются всего лишь продуктом биологической основы процесса сновидения и что необходимо, как утверждал З. Фрейд, дальнейший их анализ и что механизм памяти также следует принимать во внимание.

А. Бергсон поддерживал идею о том, что человек ничего не забывает, и все прошлые переживания, ощущения, мысли и эмоции накапливаются в памяти, начиная с раннего детства. Следуя более поздней ассоциативной теории восприятия, он утверждал, что всплывающие образы памяти связаны с непосредственными зрительными или тактильными ощущениями и с настроением сновидца. Таким образом, нить сновидения

формируется из воспоминаний, хотя часто человек не признаёт этого, так как эти воспоминания очень стары или забываются в дневное время; в них заключена память о предметах, которые воспринимались рассеянно в течение дня, или же они являются фрагментами разорванных воспоминаний, которые память собирает вместе в неузнаваемую картину. «Во сне, в собственном смысле этого слова, во сне, захватывающем нас целиком, всегда воспоминание, и только воспоминания ткнут наши сновидения», - писал автор.

В состоянии сна разум ничем «не заинтересован» и не прилагает усилий к концентрации на определенном предмете или чувстве. Однако некоторые способности активны так же, как и в дневное время, хотя и находятся в состоянии расслабления. Когда человек видит сон, он по-прежнему способен к восприятию, воспоминаниям и размышлению, однако нуждается в усилиях, необходимых для чёткого их регулирования. Так, например, неспособность спящего совершать усилия, чтобы сконцентрироваться, может связывать лай собаки с воспоминанием о шумном собрании. И наоборот, требуется определенное усилие, чтобы воспринимать эти звуки как собачий лай. По представлениям Бергсона, отсутствие такого усилия представляет собой единственное различие между сновидцем и бодрствующим человеком.

В 1902 г. А. Бергсон опубликовал статью «Интеллектуальное усилие», развивающую положения речи Вольтера «Об интеллекте». В ней он рассматривал проблему усилия, характеризующего напряжённое состояние сознания, когда субъект о чём-то думает или следит за чей-то мыслью. Бергсон писал именно об усилии и состояниях интеллекта, рассматривая различные формы его деятельности – от воспроизведения каких-либо впечатлений до столь высоких форм как творчество или изобретение. В своих рассуждениях он опирался на концепцию «планов» (уровней) сознания, раскрытую им в «Материи и памяти», и, проанализировав ряд конкретных примеров, связанных с воспоминанием, сделал вывод о том, что в усилии выражается движение интеллекта от одного плана сознания к другому.

В превращении динамической схемы в образ состоит, по А. Бергсону, суть всякого изобретения и вообще любого творчества. Писатель, поэт, композитор, музыкант движутся в своей работе от целого к частям, от схемы к образу, разворачивая исходное простое представление в слова или звуки. Таким образом, «работать интеллектуально – значит вести одно и то же представление через различные планы сознания в направлении от абстрактного к конкретному, от схемы к образу». (В этой статье Бергсон упомянул американского философа У. Джеймса, с которым он недавно вступил в переписку и который затем стал его последователем и другом).

В своей программной работе «Введение в метафизику» А. Бергсон доказывал, в чём заключается основное различие между естествознанием и философией. Формируя принципы метода, Бергсон исходил из тезиса о существовании внешней реальности, непосредственно данной сознанию, который был подробно обоснован в «Материи и памяти» [Блауберг И.И., 2003]. Автор подчеркивал, что научное сознание стремится подчинить себе природу, «замораживая поток времени», сводя целое к дискретным, поддающимся анализу элементам. Эта идея была подобна идее У. Джеймса о «потоке сознания».

Своими корнями интуитивная метафизика связана с неоплатонизмом Плотина. Философия Бергсона проникала в суть вещей посредством интуиции и сопереживания. По убеждению автора, для развития человека одинаково необходимы и естественные науки, и философия, однако только философия по-настоящему созидательна и жизнеспособна. Разум и наука, руководствуясь требованиями практической полезности, выделяют в этом непрерывном течении, в неделимой подвижности реального отдельные состояния, мгновенные снимки с реальности. Тем самым непрерывное заменяется дискретным, подвижное – неподвижным, становящееся – устойчивым.

«Обычный труд интеллекта, - писал А. Бергсон, - далеко не является трудом бескорыстным. Вообще мы добиваемся знания не ради знания, но для того, чтобы принять известное решение или извлечь выгоду, словом, ради какого-либо интереса. Каждое понятие... есть практический вопрос, который ставит наша действительность, реальность и на который реальность должна отвечать, как это и надлежит в практических делах, кратким "да" или "нет"». Интеллект в лице научного познания, по Бергсону, всегда односторонен, так как видит и выбирает только то, что ему нужно для практики, и опускает всё то, что его не интересует, хотя это и важно само по себе. По мнению автора, интеллект и наука возникли не для познания, а лишь для действия, практики. Интеллект связан с практикой не только своим происхождением, но и использованием своих методов и категорий. Отношение между наукой, т. е. интеллектом, и действительностью только практическое. Получается, что предмет науки - не реальность, а наши действия по отношению к этой реальности.

Привычный способ действия в науке, замечал А. Бергсон, - идти от понятий к конкретному, руководствуясь практическим интересом, в чём и состоит обычно процесс мышления. Понятия отображают всё то, что субъект использует в мышлении, те его функции, которые наиболее важны, причём представленные в обобщённом виде.

Некоторые философы использовали такие идеи в области философских вопросов естествознания для оправдания своего негативного отношения к науке. Бергсона даже

обвиняли в иррационализме и, в частности, в том, что он против научного мировоззрения. Однако эти обвинения не могли быть обоснованно предъявлены А. Бергсону, отличавшемуся гибким умом и сдержанностью в оценках. Он обладал острым, ясным интеллектом и хорошо понимал значение науки. В то же время Бергсону хотелось, чтобы люди смогли по-новому взглянуть на жизнь и её смысл, и он обратил внимание на те аспекты опыта, которые игнорировались научной мыслью.

Познание жизни (что является краеугольным камнем *философии жизни*) во всей её полноте по А. Бергсону могло осуществляться лишь посредством интуиции, которая представляет собой более совершенную и глубинную форму познания. Интуиция для Бергсона - это «род интеллектуальной симпатии, путём которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нём единственного и, следовательно, невыразимого». Развивая онтологическую концепцию, сформулированную в «Материи и памяти», А. Бергсон позволил понять, почему интуиция, постигая субъективную длительность, раскрывает природу внешней реальности. Интуиция в понимании автора – не единичный акт, а бесконечная последовательность актов, многообразие которых «отвечает всем ступеням бытия».

Учение об интеллекте и интуиции получило у Бергсона обоснование в его метафизике. В ней анализ как операция интеллекта отчётливо противопоставлен интуиции, но, тем не менее, подчёркивается связь интуиции и интеллекта: во-первых, интуиция – именно интеллектуальная симпатия, и, во-вторых, интеллект исходит из конкретных интуиций. Именно интуиция даёт интеллекту материал, те проблески истины, которые позволяют ему не отчуждаться от реальности, а сохранять с ней известную связь; углубление и объединение этих интуиций открыло бы путь к истинному постижению реальности. В духовной жизни интуиция постигает длительность ещё до разделения на единое и множественное, как непрерывное качественное изменение, как внутреннюю причинность и свободу [Блауберг И.И., 2003]. В социальном аспекте интуиция, по Бергсону, выступает как принцип поведения, определяющий метод ориентации индивида в сложных и меняющихся жизненных обстоятельствах. В центре метафизики Бергсона проблема творчества, которое он рассматривал как космический объективный процесс; человек - существо творческое, поскольку через него проходит путь «жизненного порыва». Способность к творчеству, по А. Бергсону, идущему вслед за А. Шопенгауэром, связана с иррациональной интуицией, которая, как божественный дар, дана лишь избранным. Таким образом Бергсон подходил к элитарной концепции творчества. Причём творчество всех видов, в том числе и социальное, по Бергсону подчинено закону элитарности.

Бергсон родился в тот год, когда был опубликован труд Дарвина «Происхождение видов». В Европе тогда велись живые дискуссии о смысле эволюции. А. Бергсон рано осознал, какое значение имеет понятие эволюции для философии. В то время превалировало механистическое мировоззрение, согласно которому все вещи должны объясняться в терминах материи и движения. Пользовавшийся популярностью взгляд И. Канта о непостижимости последней реальности, позитивизм О. Конта и широко распространенный скептицизм в отношении религии и всего сверхъестественного, – всё это соединилось в мировоззрение, которое делало безнадежным любое стремление постигнуть смысл бытия, выходящего за пределы материального мира. Однако Бергсон не принял ни узкого взгляда на мир, ни теории о границах познания, ни отрицания человеческой свободы. С его точки зрения, современные мыслители некритически восприняли новый феномен эволюции, втиснув его в рамки старого мировоззрения, и А. Бергсон поставил под сомнение справедливость традиционных предпосылок механицизма.

Механицисты объясняли эволюцию следующим образом: живые организмы развивают способность к изменчивости; некоторые из приобретённых черт позволяют им адаптироваться, выжить и передать по наследству полезные свойства. Окружающая среда соответственно «отбирает», каким организмам можно продолжать существование и в конечном итоге выделиться в отдельный вид, а какие организмы должны погибнуть. Согласно этой теории, вся история жизни на Земле, со всем разнообразием видов, родов и классов, должна быть понята исключительно с точки зрения физических условий её протекания; по сути дела, сама живая материя, по мнению Г. Спенсера и других мыслителей, есть не что иное, как совокупность физических и химических элементов. В жизни не заключено никакой цели, а в самих организмах – никакой избирательности; эволюция не имеет направления; свобода невозможна, а человек есть просто высшее животное.

Хотя Бергсон не намеревался воскресить понятие о целевых причинах, он видел в широкой картине естественной истории, ставшей более понятной благодаря открытию биологической эволюции, свидетельство фундаментального и важного фактора, не замеченного теми, кто был поглощён чисто физическим объяснением явлений. Неоспоримый факт эволюции – постоянное рождение нового. На сцене природы мы не увидим скучного однообразия, разыгрывания одной и той же пьесы. Здесь нет фиксированной схемы, повторяющейся механически. Природа есть творческий процесс и порыв к новым формам и функциям, и не только в индивидуальных существах (например, в человеке), но и в рамках целых видов. В живых существах заложено целенаправленное, творческое начало. Хотя существование живых существ обусловлено факторами

окружающей среды, они обладают способностью к адаптации, а в их поведении выражается присущая им индивидуальность. В самой жизни, распространенной по всей земной поверхности, имеется «*élan vital*», порыв к жизни, цели, творчеству и новым смыслам. Эти идеи были глубоко развиты в главной работе А. Бергсона «Творческая эволюция», в которой он противопоставил идею эволюции классической диалектике. Причём автор излагал свою эволюционную концепцию в постоянной полемике с дарвинизмом, неоламаркизмом и неовитализмом [Блауберг И.И., 2003].

В этой книге Бергсон отвергал механистическое описание реальности, а также теории, которые описывают реальность в терминах движения к некоторой цели. Принципы механицизма, утверждал автор, приложимы лишь к искусственным изолированным системам, которые наш рассудок «вырезает» в окружающем мире: но естественные системы, живые организмы, выделенные из жизненного потока самой природой, ему неподвластны. Бергсон также отвергал взгляд, что функционирование каждого организма подчинено действию какой-либо цели. Всем тем, кто находил дарвинизм и позитивизм слишком скучными и утомительными, А. Бергсон предложил живую и вдохновляющую альтернативу. По его мнению, эволюция представляет собой не просто пассивное, механическое приспособление организмов к среде обитания, но целенаправленный и творческий процесс. Его собственный взгляд состоял в том, что творческой эволюцией каждого управляют жизненная сила, жизненный порыв, жизненный дух. Эта основная энергия не имеет специфической цели. Именно эта творческая и порождающая сила производит бесконечные вариации форм.

Жизнь, которая изнутри предстаёт как психическая реальность - длительность, есть, согласно Бергсону некий метафизическо-космический процесс, «*жизненный порыв*» (*élan vital*), своего рода могучий поток творческого формирования: по мере ослабления напряжения жизнь распадается, превращаясь в материю, которая характеризуется А. Бергсоном как неодушевлённая масса. Таким образом, материя, лишённая самостоятельного онтологического статуса, оказывается недостатком, ослабленностью жизни. В процессе развития вследствие сопротивления материи, встречающейся на пути первоначально единого жизненного потока, последний разделяется как бы на несколько струй, в каждой из которых жизнь по-своему прокладывает себе путь через инертную материю. Метафора «жизненного порыва» оказалась чрезвычайно плодотворной, поскольку несла в себе множество смыслов, один из которых связан с авторской трактовкой причинности. Психологическая причинность, представлявшаяся ранее как «интеллектуальное усилие», становилась усилием самой жизни, направленной на то, чтобы «добиться чего-то от неорганизованной материи» и «подняться по тому склону, по которому спускается материя».

Выступая против механицизма и догматического рационализма, Бергсон утверждал в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь, интерпретируемую как некую целостность, радикально отличающуюся от материи и духа, которые, взятые сами по себе, являются продуктами распада жизненного процесса. В «Творческой эволюции» автор представил картину Вселенной радикально отличную от той, которую предлагали позитивизм и сциентизм [Блауберг И.И., 2003]. Видение мира с позиций темпоральной ценности и динамизма было основной внутренней установкой А. Бергсона, эти принципы, высказанные ещё в предыдущих работах, были распространены на мир в целом. Бергсон писал: «Вселенная длится», вполне определённо называя длительность «основой нашего бытия и самой субстанции вещей».

Если бы можно было добавить ещё один образ к тем многим, которыми А. Бергсон иллюстрирует свою философию, то следовало бы предполагать, что Вселенная есть огромный фуникулер, в котором жизнь - это поезд, идущий вверх, а материя - поезд, идущий вниз: «Интеллект состоит в наблюдении спускающегося поезда, в то время как он проходит мимо поднимающегося поезда, где сидим мы. Очевидно, что более благородный дар, который концентрирует своё внимание на нашем собственном поезде, есть инстинкт или интуиция. Можно перепрыгнуть из одного поезда в другой; это случается, когда мы становимся жертвами автоматической привычки, в этом сущность комического. Или мы можем разделиться на части: одну часть - идущую вверх, другую - вниз; тогда комична только часть, идущая вниз. Но сам по себе интеллект не является нисходящим движением - это просто наблюдение нисходящего движения восходящим движением».

Бергсон рассматривал жизнь, подобно русскому мыслителю Н.Ф. Фёдорову (1906, 1913), как процесс космического плана, направленный на творческое преобразование материи: «Я полагаю, что Вселенная имеет форму конуса с абсолютным в вершине, так как движение вверх соединяет тела, а движение вниз, разделяет их, или, по крайней мере, кажется, что разделяет. Чтобы восходящее движение духа было способно пробираться сквозь нисходящее движение падающих тел, оно должно быть способно прокладывать себе пути между этими телами». В процессе эволюции Вселенной интеллект был создан для воздействия на неорганическую материю и был направлен на фабрикацию вещей и орудий. По мнению биографа А. Бергсона Ж. Шевалье, автор «Творческой эволюции» стремился «вновь поместить интеллект в человека, а самого человека – в универсум», рассматривать его в единстве с миром, часть которого он составляет и где осуществляет определённые функции» [Chevalier J., 1948].

Интуиция же, т. е. «инстинкт, ставший бескорыстным, осознающим самого себя, способным размышлять о своём предмете» превосходит и интеллект, и инстинкт, поскольку надстраиваясь над инстинктом и обладая тем же достоинством непосредственного проникновения в объекты, может ввести сознание внутрь самой жизни. Интуиция как форма жизни и одновременно – способ проникновения в жизненный порыв (сущность которого свобода и творчество) представляет собой, в противовес интеллекту, творческую способность, следующую самому направлению жизни. Интуицию Бергсон связывал с духом, более того, она и есть, согласно автору, дух, она открывает духу его самого, а потому не является уже простой формой жизни.

Как интеллект связан с пространством, так инстинкт или интуиция связаны со временем. Для А. Бергсона интеллект и инстинкт - это «два расходящихся, одинаково красивых, решения одной и той же проблемы». Бергсон писал: «Интеллект неизменно ведет себя так, как будто он зачарован созерцанием инертной материи. Интеллект - это жизнь, смотрящая вовне, становящаяся вне относительно самой себя, принимающая как принцип приёмы неорганизованной природы, чтобы применять их в действии». Он утверждал, что даже если философия полностью овладеет интуицией, она «никогда не достигнет такого познания своего предмета, как наука - своего. Интеллект является лучезарным ядром, вокруг которого инстинкт, даже очищенный и расширенный до состояния интуиции, образует только неясную туманность».

Интеллектуальные способности человека представляют собой успешную адаптацию к миру в той степени, в какой мир является упорядоченной, законосообразной системой причин и следствий. Интеллект, по Бергсону, – это инструмент, помогающий нам справиться с реальностью, и он сформировался, потому что был полезен для успешной деятельности. Многочисленные достижения науки, благодаря которым природа была поставлена на службу человечеству, свидетельствуют об этой практической функции разума. Но в ходе эволюционного процесса развилась и другая способность, содействующая успешной адаптации. Важнейшую роль в царстве животных выполняет инстинкт. Это также полезное знание, но оно существенно отличается как процесс от процедур интеллектуального рассуждения. Инстинкт позволяет постичь важные для жизни вещи безо всякого научения или интеллектуальных операций. Инстинктивный разум является необходимым дополнением к научному познанию. Он позволяет человеку жить, понимая других людей и жизнь в целом. Способность инстинктивного постижения присуща всем людям, поскольку она есть всего лишь проявление на новом уровне того, что было достигнуто ранее в эволюционной истории живых существ. А. Бергсон называл эту способность и знание, которое удастся получить с её помощью, «интуицией».

Сущность жизни может быть постигнута только с помощью интуиции, которая, будучи своеобразной симпатией, как бы непосредственно проникает в предмет, сливаясь с его индивидуальной природой. Интуиция не предполагает противопоставления познаваемого познающему как объекта субъекту; она есть узнавание жизнью самой себя. Поэтому Бергсон призывал обратиться к собственной жизни сознания, которая дана каждому непосредственно. Самонаблюдение, по А. Бергсону, позволяет обнаружить, что ткань психической жизни является непрерывная изменчивость состояний, которые незаметно переходят одно в другое, длятся. Эта длительность и составляет самоё жизнь сознания, её структуру.

Жизнь, согласно Бергсону, - это тенденция «действовать на неорганизованную материю. В своём развёртывании жизнь испытывает постоянное сопротивление этой косной материи, представляющей собой угасшие и отвердевшие «отложения» жизненного порыва. При этом угасании утрачивается первоначальная энергия во взаимодействии с инертной материей. Для обоснования своих представлений А. Бергсон привлекал закон рассеяния энергии и возрастания энтропии (Н.Л. Карно, Р. Клаузиус). Второе начало термодинамики Бергсон называл «самым метафизическим из всех законов физики, так как оно прямо безо всяких посредствующих символов, без ухищрений измерения, указывает нам направление, в котором движется мир». Материя является не только препятствием, но и необходимым условием прогресса, ведь именно во взаимодействии с ней развиваются всё новые и новые жизненные формы, развёртываемые в пространстве и времени.

Рассматривая категории пространства и времени, А. Бергсон утверждал, что пространство - это характеристика материи, в действительности оно иллюзорно, полезно в некоторой степени на практике, но вводит в заблуждение в теории. Время, наоборот, есть существенная характеристика жизни или разума. Но время, о котором говорил философ, - это не математическое время, не однородная совокупность взаимно сменяющих друг друга внешних моментов. Математическое время, согласно Бергсону, есть на самом деле форма пространства; время же, являющееся сущностью жизни, он называл длительностью.

Длительность есть взаимопроникновение состояний сознания; они непротяжённы и поэтому не могут быть расположены рядом друг с другом; они различаются не количественно, а качественно и потому не поддаются измерению и исчислению как материальные объекты). Длительность, а стало быть жизнь, имеет, по А. Бергсону не пространственный, а временной характер. Это «качественное», «живое» время радикально отличается от того понятия механическо-физического времени, которое, по мнению автора, возникает в результате разложения интеллектом длительности. Интеллект Бергсон трактует в духе А. Шопенгауэра, противопоставляя его интуиции как орудие

оперирования с «мёртвыми вещами» - материальными, пространственными объектами в соответствии со своей природой - способностью мыслить лишь в пространственных количественных категориях. Интеллект способен понимать живое, органическое, лишь превратив его в мёртвое, механическое, ибо он, согласно Бергсону имеет чисто практическое назначение - формировать неорганизованную материю.

Этот общий контур наполняется описанием действительного развития жизни на Земле в процессе эволюции. Сначала поток разделился на животных и растения; растения предназначены, чтобы откладывать энергию в резервуар, животные - чтобы использовать энергию для внезапных быстрых движений. Но позже среди животных появилось новое разветвление на интеллект и инстинкт. Они никогда полностью не бывают друг без друга, но в основном интеллект есть несчастье человека, тогда как инстинкт в своём лучшем проявлении виден у муравьев и пчёл. Различие между интеллектом и инстинктом является важнейшим положением в философии А. Бергсона.

Инстинкт в своём лучшем человеческом проявлении он назвал интуицией. «Под интуицией, - писал Бергсон, - я подразумеваю инстинкт, ставший бескорыстным, сознающим самого себя, способным размышлять о своём предмете и расширять его бесконечно». Не всегда легко объяснить поступки интеллекта: «Интеллект, в том виде, как он выходит из рук природы, имеет главным своим объектом неорганическое твердое тело», он может ясно представлять себе только прерывное и неподвижное, его понятия расположены вне друг друга, как объекты в пространстве, и имеют одинаковую устойчивость. Интеллект разделяет объект в пространстве и фиксирует во времени, он не создан для того, чтобы мыслить эволюцию, но представляет себе становление как серию состояний. «Интеллект характеризуется естественной неспособностью понимать жизнь, - утверждал философ. - Геометрия и логика, которые являются типичными продуктами интеллекта, строго применимы только к твердым телам, в прочих же случаях рассудочная деятельность интеллекта должна подвергаться проверке здравого смысла, который есть нечто совершенно отличное. Твердые тела созданы разумом для того, чтобы приложить к ним интеллект, так же как шахматная доска придумана, чтобы играть на ней в шахматы. Происхождение интеллекта и происхождение материальных тел, говорят нам, соотносительно и то, и другое развилось в процессе взаимного приспособления. Один тождественный процесс должен был выкроить одновременно материю и интеллект из одной ткани, их обеих содержащей».

В 1911 г. А. Бергсон написал предисловие к французскому изданию книги У. Джеймса «Прагматизм». В этой маленькой работе он дал свою трактовку понятия истины, заключающейся в том, что истина не может характеризовать утверждение, относящееся к

реальности. Она не может в этом смысле быть «неподвижной», она погружена в сам творческий процесс, каким является реальность, она есть событие внутри реальности. Истина сама является объектом творчества, о чём писал автор, подчёркивая философский результат А. Джеймса: «если для других учений новая истина – это раскрытие, для прагматизма – она изобретение». Но Бергсон не довольствовался лишь практическим критерием истины, он стремился сохранить за философией её теоретическое, созерцательное значение. Для него, как и ранее («Творческая эволюция»), является сразу и нераздельно видение и действие [Arnaud F., 2009].

На философском конгрессе в Болонье в 1911 г А. Бергсон выступил с блестящим докладом «Философская интуиция». В нём автор предложил оригинальный подход к истории философских идей. Неважно, говорил мыслитель, когда именно жили Декарт, Спиноза или Беркли, какие идеи предшествовавших и современных философов использовали, значение имеет лишь то, что они в итоге смогли выразить в своих основных мыслях на основе первоначальной интуиции. «Мысль, приносящая в мир нечто новое, - смело утверждал Бергсон, - вынуждена проявляться через посредство уже готовых идей, которые она встречает и вовлекает в своё движение: потому и кажется, что она связана с эпохой, в которую жил философ. Но часто это всего лишь видимость. Философ мог явиться многими веками раньше; он имел бы дело с иной философией и иной наукой; он поставил бы другие проблемы: он иначе бы формулировал бы свои мысли; возможно, ни одна глава книг, которые он написал, не была бы той же; и всё-таки он сказал бы то же самое».

Далее автор формулировал квинэссенцию своего доклада: «Какова эта интуиция? Но ведь если сам философ не мог найти для неё формулы, то не нам решить эту задачу. Что мы можем уловить и закрепить, так это некоторый образ, промежуточный между простотой конкретной интуиции и сложностью выражающих её абстракций, неуловимый и каждый раз вновь исчезающий, - образ, который, незамеченный, может быть, держит в своей власти дух философа, следует за ним, как тень, по всем извилинам его мысли и который, если и не есть сама интуиция, то приближается к ней несравненно больше, чем то абстрактное, и поневоле символическое выражение, к какому должна прибегнуть интуиция, чтобы доставить "объяснения"».

Современный специалист в области теории управления Том Питерс также указывает на огромную роль интуиции в решении задач. Он пишет: «Интуиция – это новая физика. Это – эйнштейновский, подсознательный, в высшей степени практический способ принимать решения в сложных ситуациях» [Piters T., 2001]. Однако было бы точнее сказать не «эйнштейновский», а «бергсоновский» способ.

Противопоставление А. Бергсоном рассудка и интуиции отрицало философское познание, ибо созерцаемое в «чистой» интуиции без всякого понятийного различения должно было остаться невыразимым. В своей абсолютизации изменчивости Бергсон приходил к полному субъективизму (статья «Восприятие изменчивости», 1913, дополненный вариант прочитанной в 1911 г. Оксфорде лекции), что вызывало резкую критику его взглядов представителями диалектического материализма. В этой работе Бергсон ставил вопрос о том, что такое существовать. И отвечал на него: существовать - это значит беспрерывно меняться: «Я знаю, что я существую, потому что я беспрерывно меняюсь: состояние моей души всё время разрастается длительностью, то есть я ощущаю себя в своём изменении, это изменение есть ощущение некоторой длительности». Как писал Бергсон, «я перехожу от состояния к состоянию. Я меняюсь постоянно. Моё состояние души, подвигаясь по пути времени, постоянно разрастается длительностью, которую оно подбирает. Изменение совершается непрерывно, само состояние есть уже изменение». То есть я существую, поскольку я ощущаю себя изменяющимся, а изменения совершаются в длительности.

А. Бергсон утверждал: «Прежде чем философствовать, нужно жить, а жизнь требует, чтобы мы надели наглазники, чтобы не смотрели ни направо, ни налево, но прямо перед нами в том направлении, куда нам нужно идти... в бесконечно обширном поле нашего возможного познания мы собрали всё, что полезно для нашего действия на вещи, чтобы создать из этого нынешнее знание: остальным мы пренебрегли. Мозг, по-видимому, построен ввиду этой работы подбора, что можно показать без труда на деятельности памяти».

В 1921 г. Бергсон опубликовал статью «Душа и тело», впервые прочитанную в виде лекции в 1912 г., в которой писал о значении «подвижного смысла», выводящего за границы слов, способствуя тому, чтобы две души общались без посредников, «вибрировали» в унисон друг к другу. В этой работе автор предвидел описание мозга как кибернетического центра человеческого организма: «Мозг не что иное, как нечто вроде телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Он ничего не прибавляет к тому, что получает» (об этом он впервые упоминал ещё в эссе «Материя и память»). Мозг – это центр управления человеческим организмом, но, как и любой другой подобный центр, он не является источником генерируемых и передаваемых им команд. Источником таких команд есть исключительно «я» человека – внефизическая сущность индивидуума, проявляющая себя через сознание, мышление и разумное действие, а мозг лишь преобразует конкретные команды в электрические и химические сигналы, приводящие органы и системы организма в цепочку требуемых функциональных событий.

В 1922 г. А. Бергсон, откликаясь на работы А. Эйнштейна, написал книгу «Длительность и одновременность. По поводу теории относительности Эйнштейна», в которой дал свою интерпретацию категории времени. Объясняя в начале работы её цель Бергсон подчёркивал, что он стремился выяснить, в какой мере его концепция длительности может быть согласована с теорией Эйнштейна. «Моё восхищение этим физиком, убеждение, что он даст нам не только новую физику, но также некоторые новые приёмы мышления, идей, что наука и философия суть дисциплины различные, но созданные для взаимного дополнения, - всё это внушало мне желание и даже вмняло в обязанность провести тщательное сравнение», - писал автор.

Но А. Бергсон, подобно А. Пуанкаре, считал, что континуум пространство-время является только удобным инструментом, ещё одной конвенцией исследователей. Бергсон не сделал выводов из эйнштейновского разделения *собственно времени* (или времени-параметра с локальным применением) и *времени-координаты* (времени-измерения). Единство реального времени предстаёт не как тезис, требующий обоснования, а как принцип решения конкретной, метафизической или космологической проблемы. Именно единство реального времени, осмысление через способность сознания схватывать множество потоков с помощью актов, которые размечают ритм реальной длительности, позволяет примирить гипотезу об универсальности времени материального мира со множеством длительностей, связанных с процессами, происходящими во Вселенной. [During E., 2009].

Бергсон утверждал: для того чтобы узнать, имеем ли мы дело в конкретном случае с реальным временем или его фикцией, нужно поставить вопрос, может ли такое время быть воспринято. Отдавая должное великому физиком, А. Бергсон подчёркивал, что только теория относительности показывает принципиальную равноправность и взаимозаменяемость различных систем отсчёта, в то время как множественность времён есть лишь отражение факта взаимного перемещения этих систем.

Интуитивная одновременность, по Бергсону, воспринимается субъектом, и мы соотносим её с собственной длительностью. Но именно позиция интуитивизма была причиной, в силу которой А. Эйнштейн и А. Бергсон не понимали друг друга. А. Эйнштейн в письме к своему другу М. Бессо писал: «Не существует логического пути, который привел бы от эмпирического материала к общему принципу, на который потом могла бы опереться логическая дедукция. ...я не верю, что существует путь... к познанию через индукцию; во всяком случае, это никак не логический метод. И чем дальше продвигается теория, тем отчетливее становится ясным, что индуктивным путем нельзя найти основные законы, на основе одних опытных фактов (например, уравнения поля тяготения, или

уравнения Шредингера в квантовой механике). В общем можно сказать так. Путь от частного к общему интуитивен, путь от общего к частному – логичен».

В некотором плане Бергсон «опережал» Эйнштейна с его классицизмом. Можно было бы примирить относительность с разумом всех людей, если ограничиться пониманием множественности времён как математических выражений и признать существование – по ту и по сию стороны психоматематического образа мира, который является миром существующих людей [Merleau-Ponty M., 1959].

Поздний период творчества А. Бергсона отмечен созданием философского шедевра: «Два источника морали и религии». В поисках их истоков Бергсон пришел к выводу, что религия и мораль – различные явления, а потому и источники их различны. Более того, существуют два типа морали – закрытая и открытая – и два типа религии – статическая и динамическая.

К тому времени социология в достаточной мере продемонстрировала, что деятельность человека, его верования и принципы формируются в обществе, предписания которого способствуют его выживанию и сплочению людей в общественное целое. Этот источник морали и религии полностью признавался Бергсоном, однако он подчеркивал, что имеется и другой источник. Существуют мораль и религия вдохновения, исповедуя которые человек становится свободным и творческим существом. Не отрицая важности социологического знания, философ настаивал на значимости фактора индивидуальной интуиции и симпатии в моральной и религиозной жизни человека.

Противопоставляя два типа обществ: закрытое, стремящееся к самосохранению и опирающееся на принципы авторитаризма и насилие, и открытое, воплощенное в великих личностях - моральных героях, христианских мистиках и т. п., А. Бергсон связывал с ними два типа морали и религии - статический и динамический. Возможность дальнейшего прогресса человеческого общества Бергсон видел лишь в открытом обществе, в динамической морали, выделяя в качестве главных принципов любовь к человечеству, «дух простоты», отказ от искусственных потребностей, вызванных преимущественным развитием «тела» человечества в ущерб его духовной культуре.

А. Бергсон также различал два типа справедливости – формальную, представленную, например, в платоновском государстве, и истинную, которая, как он полагал, должна бы действовать в отношениях между людьми. Первый тип справедливости всегда отвечал социальной необходимости: подчинение справедливости такого рода было обусловлено давлением общества на индивида. Переход от первого типа справедливости ко второму осуществляется не плавно, а скачками, и первый такой решающий скачок, в результате которого справедливость приобрела категорический и

трансцендентный характер, произошёл, согласно автору, благодаря пророкам Израиля, придавшим ей «неистово повелительный характер». Второй скачок, собственно переход от закрытого к открытому типу, осуществился в христианстве, и мораль «открытой души» - это мораль, возвещаемая в Евангелии, мораль чистой духовности, которая несёт людям радость, свидетельствуя о преодолении моральных препятствий.

Трактуя мораль как продукт либо «общественного прессинга», либо «любовного порыва», Бергсон подчеркивал, что в первом случае («статическая мораль») человек является собой элемент некоего механизма и, действуя соответственно, порождает для себя «закрытую» (авторитарную и националистическую) модель общества - продукт эволюционного круговорота, к которому неприменимы категории прогресса и возможности продвижения «жизненного порыва». «Открытое» общество, пророками которого были, по А. Бергсону, пророки Израиля, Сократ, Платон и Иисус Христос – это личности, способные слиться с основополагающим порывом жизни - основано на абсолютной морали творческого индивида, на признании главной ценностью идеалов целостного человечества, на предельном динамизме общества и его институтов. В книге «Бергсон и Тейяр де Шарден» М. Бартелеми-Мадоль пишет, что в концепции Бергсона заложена возможность для создания настоящей морали – той, которая только открывается, располагаясь в области, разделяющей статическую и динамическую мораль [Barthélemy-Madaule M., 1963].

Такое же различие, как и в морали, имеет место в религии: существует статическая и динамическая религия. Статическая религия заключается в защитительной реакции природы на деятельность интеллекта, грозящую подавлением индивидуума или разрушением общества. В противоположность этому статическая религия связывает человека с жизнью, а индивида с обществом с помощью сказок, подобных колыбельным песням. Статическая религия - результат «сочинительской функции (fonction fabulatrice)» - в принятой русскоязычной версии «мифотворческая функция» интеллекта. Дело в том, что интеллект в его узком смысле угрожает разрушить социальную связь, а природа не может противопоставить ему инстинкт, место которого у человека как раз занято интеллектом. Но природа прибегает к выдвиганию сочинительской («мифотворческой») функции. Если благодаря интеллекту человек знает, что он умрёт, в отличие от животного, которое этого не знает, и если благодаря интеллекту он узнает, что начатое дело и желаемый успех разделены, как это ни печально, целым рядом факторов, не поддающихся расчёту, то природа опять-таки ему помогает, изготовляя богов с помощью мифотворческой функции. Её роль в человеческом обществе соответствует роли инстинкта в обществах животных.

Совершенно отлична от этого динамическая религия, мистицизм. Она возникает из обратного движения по направлению к пункту, из которого исходит жизненный порыв, а также из представления о «схватывании» того непостижимого, к которому жизнь стремится. Этот мистицизм присущ лишь необычным людям. Он ещё проявлялся у древних греков, а в развитой форме в Индии, где ещё оставался чисто спекулятивным. Но этот мистицизм присутствовал у великих христианских адептов, обладавших совершенным душевным здоровьем. Христианская религия выступает как кристаллизация этого мистицизма, образуя, с другой стороны, его основу, так как мистики - это в целом своеобразные, но и несовершенные подражатели тому, кто дал нам Нагорную проповедь.

Опыт мистицизма даёт опору не только для вероятности предположений относительно происхождения жизненного порыва, но одновременно и для утверждения бытия Божия, которое недоказуемо логическим способом. По мнению М. Бартельми-Мадоль, у Бергсона следует различать мистический и жизненный порыв: «Жизненный порыв по отношению к мистическому – то же, что материя по отношению к жизни. Мистический порыв воспринимает порыв жизни, чтобы вести его дальше, подобно тому, как жизненный порыв воспринимал инертную материю, чтобы её преобразовать» [Barthélemy-Madaule M., 1967].

Мистики учат, что Бог - это любовь, и ничто не мешает философу развить выдвинутую ими идею, что мир есть лишь осязаемое проявление этой любви и божественной потребности в любви. На основе мистического опыта, подтверждаемого данными психологии, можно также утверждать с вероятностью, доходящей до уверенности, наличие жизни после смерти. Христианский мистицизм как вершину динамической религии А. Бергсон определял как «тесное соприкосновение и, следовательно, частичное совпадение с творческим усилием, проявление которого есть жизнь. Усилие это идёт от Бога, если только оно не есть сам Бог. Великим мистиком оказывается индивидуальность, способная преодолеть границы, предопределённые виду его материальности, продолжающая и преодолевающая таким образом божественное деяние». Бог, далее утверждал Бергсон, - источник творческой энергии, брошенный в материю. Мистическая душа, сливаясь с Богом в интуиции, узнаёт о том, что Он есть любовь и объект любви.

«Мистицизм, - писал философ, - бесспорно, находится у истоков великих моральных преобразований. Человечество, несомненно, кажется далёким от него, как никогда. Но как знать?». Таким образом А. Бергсон предпринял попытку доказать, что те состояния, которые подчас воспринимаются как однозначная кульминация религиозного мистицизма, являются на деле лишь промежуточными этапами на пути восхождения к

совершенству. И этот тезис позволил ему очертить действительное соотношение мистики и этики. С точки зрения Г. Марсея, в «Двух источниках ...» решается проблема *теокосмогуманизма*, к которому автор пришёл благодаря изучения мистиков и собственному опыту. Это прорыв Бергсона к сверхтемпоральному началу, увиденному как божественная творческая жизнь, в любви своей творящая сам космос, потому что только в нём может жить свободный человек, в котором нуждается его Творец [Визгин В.П., 2009].

В поздний период философского творчества (сборник «Мышление и движущееся», 1934) А. Бергсон пришёл к выводу, что Абсолют имеет две стороны: дух, пронизанный метафизикой, и материю, познаваемую наукой. Наука, по Бергсону, оказывается одной из двух компонентов онтологии. Интуиция как метод вырастает из «длительности»: согласно Бергсону «размышления относительно длительности, как мне кажется, стали решающими. Шаг за шагом они вынуждали меня возводить интуицию до уровня философского метода».

Во введении, в котором автор рассматривал соотношение разума и материи он отмечал: «Лишь обсуждаемый нами метод позволяет выйти за пределы как идеализма, так и реализма, утвердить существование объектов как подчиненных нам, так и верховящих нами, но тем не менее, в определённом смысле, внутренних для нас... Мы воспринимаем любое число длительностей, и все они крайне отличаются друг от друга». Как полагал А. Бергсон, хотя идея однородного пространства предполагает нечто искусственное, отделяющее человека от реальности, именно в этом смысле материя и протяженность оказываются реальностями, предзадающими порядок пространства. Последнее укоренено, по Бергсону, не только в человеческой природе, но и в природе вещей: материя суть «аспект», посредством которого вещи стремятся представлять друг в друге и в нас только «различия в степени». Эта ситуация означает конституирование такого положения вещей, когда «различия по природе» в принципе не могут быть зафиксированы. Как позже отмечал Ж. Делёз, у А. Бергсона «*попятное движение истины* - не только иллюзия *относительно истины*, но оно принадлежит *самой* истине... Иллюзия берёт свое начало не в одной только нашей природе, но и в мире, где мы живем, на той стороне бытия, которая в первую очередь указывает на себя».

Философские идеи Анри Бергсона получили развитие в трудах его друга и сподвижника У. Джеймса, учеников Ш. Пеги, А.Н. Уайтхеда, Д. Сантаяны, Э. Ле Руа, А. Делакура и Ф. Делатра. Однако разветвлённой классической школы (Г.В.Ф. Гегель, Э. Резерфорд, И.П. Павлов) Бергсон не создал. В значительной степени опирался на концепции Бергсона религиозный эволюционист П. Тейяр де Шарден, один из создателей теории ноосферы. Эволюционное учение А. Бергсона высоко оценивал В.И. Вернадский.

Философия Бергсона оказала воздействие на столь разных по духу мыслителей, как У. Джеймс (впрочем, влияние здесь было взаимным) и теоретик анархо-синдикализма Ж. Сорель. Такие понятия бергсоновской философии как длительность, жизненный порыв, идетерминация, симпатия, динамическая схема, мифотворческая функция и др. питали философскую и научную мысль, ими оперировали крупнейшие философы и учёные XX века: М. Хайдеггер, Г. Марсель, В. Янкелевич, Ж. Валь и даже И. Пригожин. Крупнейший французский философ Г. Марсель почти во всех работах соотносил свои рассуждения с мыслями А. Бергсона.

Этико-религиозная концепция Бергсона вдохновляла А. Тойнби, одного из наиболее известных социальных философов XX века (который выделил три постхристианские и постконфуцианские идеологии-религии – капитализм, коммунизм и национализм). В определённой степени идеи Бергсона оказали влияние на таких философов и социологов, как Г. Башляр, Э. Мейерсон, М. Блондель, А. Шюц, а также «хронобиологов» П. Леконта де Ноуи и Ф. Майера. Последователем и исследователем творчества А. Бергсона был разносторонний философ Ж. Делёз, который был убеждён в «космологическом» измерении его философии и потому делающей её не похожей ни на одну из современных систем мысли [Montebello P., 2009].

Философия А. Бергсона оказала и продолжает оказывать значительное влияние на развитие науки. Под её определённым влиянием находился крупнейший французский математик, лауреат Филдсовской премии Р. Том, выдвинувший научно-философскую концепцию «онтологического предшествования непрерывного дискретному» [Thom R.F., 1990]. А нобелевский лауреат И. Пригожин, высоко оценивший идеи Бергсона о необратимости времени и свободной причинности, и И. Стенгерс в работе «Время, хаос, квант» пишут, что их книгу пронизывает «дух поставленной Бергсоном проблемы» [Prigogine J., Stengers I., 1994].

В целом философия А. Бергсона, в некоторых отношениях близкая философии У. Джеймса, носила метафизический характер и развивалась в традиции европейской философии; при этом она содержала новые идеи о природе жизни, эволюции, реальности и познания. Так, например, его труды способствовали обретению биологией статуса независимой и автономной науки. В то же время философия Бергсона послужила инструментом для крупномасштабной критики феноменологии.

Воззрения А. Бергсона можно определить как генеральное возражение против материалистически-механистического и позитивистского направления науки. Но его философия, в отличие от большинства систем прошлого, дуалистична. Мир для него разделен на две в корне различные части: с одной стороны - жизнь, с другой - материя, или,

вернее, то инертное «что-то», которое интеллект рассматривает как материю. Вся Вселенная есть столкновение и конфликт двух противоположных движений: жизни, которая стремится вверх, и материи, которая падает вниз. Жизнь есть единственная великая сила, единственный огромный жизненный порыв, данный единожды, в начале мира; встречающий сопротивление материи; борющийся, чтобы пробиться через материю; постепенно узнающий, как использовать материю с помощью организации; разделённый препятствиями, на которые он наталкивается, на различные течения, как ветер на углу улицы; частично подавляемый материей вследствие тех изменений «adaptations», которым материя его подвергает; всё же всегда сохраняющий свою способность к свободной деятельности, всегда борющийся, чтобы найти новый выход, всегда ищущий большей свободы движения между враждебными стенами материи.

В книге «Бергсонизм» (1966) Ж. Делёз постулировал в качестве «главных вех философии Бергсона» разработку понятий: «длительность», «память» и «жизненный порыв». Вместе с Жан-Полем Сартром и Габриэлем Марселем Анри Бергсон был признан одним из ведущих французских философов современности.

А. Бергсон как предтеча учения о ноосфере

Хотя Бергсона нельзя непосредственно считать основоположником учения о ноосфере, его идейное влияние оказало исключительно большое влияние на формирование этой теории. И, что особенно важно, ученик А. Бергсона Э. Ле Руа, бергсоновский последователь П. Тейяр де Шарден и великий русский учёный В.И. Вернадский, творчески воспринимавший идеи Бергсона, были создателями новой концепции. Более того, именно Ле Руа был введён в научный оборот термин «ноосфера». Идеи творческой эволюции и философии жизни Бергсона можно рассматривать как предшествовавшие появлению *учения о ноосфере*.

В «Творческой эволюции» А. Бергсоном была достигнута высшая точка понимания мира и космоса (по существу связанная с возвратом к античному представлению о человеке как микрокосмосе). Автор подчёркивал, что жизнь на Земле стала развиваться двумя путями: посредством использования инстинкта (животные формы) и посредством преимущественного развития интеллекта (человек), видя в первом важнейшее, утерянное вторым качество - «способность использовать и даже создавать организованные орудия», то есть принадлежащие самому организму, которые «создаются и исправляются сами собою». Бергсон писал: «совершенный интеллект есть способность фабриковать и употреблять орудия неорганизованные», то есть искусственные из неорганизованной материи, то есть «орудия для создания орудия». Интеллект способен понимать живое,

органическое, лишь превратив его в мёртвое, механическое, ибо он, согласно А. Бергсону, имеет чисто практическое назначение - формировать и фабриковать неорганизованную материю. Человек «*homo faber*» (человек, создающий орудия), производит за счёт своего разума различные искусственные приспособления, механизмы и машины, как бы продолжающие его органы, экстериоризирующие, выносящие во вне его способности – со всё большим умножением их возможностей и мощи. Именно это положение Бергсона, акцентирующего роль интеллекта и интуиции человека для создания новой среды обитания, организованной на принципах разума, породило у Э. Ле Руа и П. Тейяра де Шардена новые идеи, ставшие затем концепцией ноосферы.

Известный французский философ, представитель католического модернизма *Эдуард Ле Руа* (1870–1954) окончил факультет естественных наук Высшей нормальной школы в Париже, которую в своё время окончил и Бергсон. В 1895 г. молодому Ле Руа была присвоена степень агреже математики, и в 1898 г. он защитил докторскую диссертацию. После защиты он преподавал математику в различных парижских учебных заведениях, а затем перешёл на кафедру философии в Коллеж де Франс, возглавляемую А. Бергсоном, под руководством которого происходило формирование Ле Руа как философа. В 1921 г. Э. Ле Руа сменил Бергсона на посту руководителя кафедры современной философии (он неоднократно замещал А. Бергсона, начиная с 1914 г.), на которой проработал до 1941 г. Ле Руа был другом и единомышленником П. Тейяра де Шардена, также последователя А. Бергсона, но не являвшегося его непосредственным учеником.

Будучи страстным сторонником философии Бергсона Э. Ле Руа написал о нём книгу «Новая философия: Анри Бергсон (*Une philosophie nouvelle: Henri Bergson*), 1913)». Ле Руа развивал эволюционную концепцию А. Бергсона, в которой впервые дал полное и вполне адекватное изложение бергсоновской концепции. Эту книгу Э. Ле Руа рассматривал как «введение в новую философию, призванную облегчить её понимание, поскольку революция, которую она осуществила равна по значимости кантовской или даже сократовской революции». Автор также пытался согласовать католические догматы с фактами, накопленными антропологией и новейшими открытиями в биологии. Исходя из бергсоновской идеи жизненного порыва, он рассматривал эволюцию как творческое становление, в истоках которого лежит духовная сила, *действующая мысль*. С появлением человека эволюция природы и жизни приобретает качественно новый характер, поскольку именно человек, наделённый сознанием и разумом, становится условием и орудием дальнейшего поступательного развития всей природы и тем самым совершается переход от биосферы к ноосфере, сфере разума. Ноосферу Ле Руа охарактеризовал как единство «природы» и «культуры» [Режабек Б.Г., 2008].

Выдающийся французский палеонтолог, философ, теолог и священник-иезуит **Пьер Тейяр де Шарден** (1881-1955) в 1899 г. окончил колледж Нотр-Дам-де-Монгре, принадлежавший Ордену иезуитов, получив степень бакалавра по специальностям философия и математика, и вступил в новациат Ордена. В 1902 г. он получил степень лиценциата по литературе в университете Коэна. В 1905-1908 гг. Тейяр преподавал химию и физику в иезуитском колледже Святого Семейства в Каире. С 1908 по 1912 г. П. Тейяр де Шарден совершенствовался в богословии в иезуитском центре в Гастингсе. Здесь он синтезировал свои научные, философские и богословские знания в свете эволюции. Прочтение «Творческой эволюции» А. Бергсона стало для него «катализатором огня, который поедает сердце и дух». Царившие в его душе три культа – материи, жизни и энергии обогатились ещё одним – культом эволюции [Семёнова С.Г., 2009]. В 1911 г. Тейяр де Шарден был рукоположен в сан священника.

Но, не имея прихода, в конце 1914 г., он был призван в армию в качестве санитаря. Именно во время Первой мировой войны, на передовой Тейяр написал своё первое эссе, названное «завещанием» (поскольку каждый день он ощущал близость смерти) - «Космическая жизнь (La vie cosmique)» - философские и научные размышления о мистике и духовной жизни, навеянные идеями А. Бергсона, в некотором плане созвучные представлениям русского космиста Н.Ф. Фёдорова [Семёнова С.Г., 2004]. После войны Тейяр проходил докторантуру в Сорбонне, где в 1922 г. защитил докторскую диссертацию по геологии, ботанике и зоологии. С начала 1920-х гг. он читал лекции по геологии в Католическом институте в Париже. Здесь в 1921 г. П. Тейяр де Шарден познакомился с Э. Ле Руа и вскоре стал участником домашнего семинара А. Бергсона. С октября 1924 г. после возвращения Тейяра де Шардена из палеонтологической экспедиции в Китай его отношения с Ле Руа стали особенно тесными. Вечерами они подолгу беседовали по проблемам активно-христианского эволюционизма. О своём отношении к Ле Руа – ученике и продолжателе Бергсона - Тейяр впоследствии писал: «Я любил его, как отца, и многим ему обязан: но не в том смысле, что обязан ему той или иной идеей, но между 1920 и 1930 годами главным образом он придал мне веры в себя, расширил моё сознание (и чувство верности Церкви ...), а также послужил (в Коллеж де Франс) трибуной моих рождающихся идей о гомонизации и ноосфере» [Dupleix J.C.A., 1991].

В 1924-1925 г. Э. Ле Руа и П. Тейяр де Шарден познакомились с изданными в Париже лекциями по геохимии величайшего отечественного учёного В.И. Вернадского, которые он читал в Сорбонне, причём Тейяр выборочно посещал их. В этих лекциях Вернадский впервые обосновал идею о том, что человечество стало самостоятельной геологической силой, влияние которой на перемещение элементов в геоболочках Земли

огромно. Именно эта идея окончательно подвела Тейяра де Шардена и Ле Руа к новой концепции, которая уже созревала под влиянием бергсоновского мировоззрения.

Возможно, В.И. Вернадский посетил семинар А. Бергсона в Париже, во время которого учёные творчески обсуждали зарождающуюся концепцию, но документальных данных об этом нет. И ранее, и позже Вернадский неоднократно обращался к философии Бергсона при исследовании проблемы пространства-времени и принимал многие его идеи. В концепции А. Бергсона В.И. Вернадский видел не столько субъективную и психологическую сторону постановки вопроса о времени, сколько идею множественности уровней времени и множественности жизненных миров, существующих на разных уровнях [Князева Е.Н., 2009].

В 1931 г. В.И. Вернадский в рукописи «О жизненном (биологическом) времени» написал: «Время Бергсона есть время реальное, проявляющееся и *создающееся* (выделено В. Вернадским) в процессе творческой эволюции жизни. Время идёт в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как этот порыв и эволюция есть основное условие существования Мира. Время есть проявление – созидание творческого мирового процесса» [Вернадский В.И., 1988]. Человек есть явление природы, следовательно, и время, им продуцируемое есть явление природы - так понимал А. Бергсона В.И. Вернадский, и это явилось решающим шагом в создании нового натуралистического мировоззрения, в которое включалась живая природа во главе с человеком. Если Бергсон источником времени считал внутреннее психологическое или интуитивное движение, то Вернадский распространял его положения на весь живой мир. В.И. Вернадский писал о А. Бергсоне: «Его динамическое представление о жизненном порыве (*élan vital*) и творческой эволюции удивительным образом отвечает одной из тех новых картин Вселенной, которая открывается перед нами в связи с развитием квантов, теории относительности и открытой астрономии».

Известно (по записи в «Хронологии» Вернадского от 11 ноября 1940 г.) упоминание о встрече Вернадского с Бергсоном: «Через Appel'я я имел единственное свидание с Bergson'ом, председателем комиссии Лиги Наций. Кажется, он понял. Попасть к Бергсону было трудно. Маленький человечек - лысый - но живой и интересный. Я в это время следил за его философией». Скорее всего, об этой встрече В.И. Вернадский писал сыну 25 февраля 1923 г., откуда следует, что он встречался с А. Бергсоном до знакомства с Э. Ле Руа и П. Тейяром де Шарденом. В этом письме российский корифей дал эмоциональный портрет своего коллеги: «Видел Бергсона. Имел с ним длинный разговор. Долго не смог с ним списаться. Живёт роскошно - роскошно простая обстановка. Вышел ко мне маленький еврейчик, совершенно лысый, несуразно сложенный - но очень умный и скорее

симпатичный. Много говорит. Сперва стал на формальную точку зрения, но потом у нас разговор принял деловой характер».

С 1925 г. ноосферная концепция, зарождавшаяся с благословения Бергсона, стала результатом творческого содружества трёх учёных – В.И. Вернадского, Э. Ле Руа и П. Тейяра де Шардена. Теоретические посылки Ле Руа нашли воплощение в разработках Тейяра де Шардена, который разделял не только идею оживотворения (витализации) материи, но и идею о том, что конечным пунктом развития человечества будет слияние с Богом. Он утверждал: «Человек - не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее». Тейяр восторженно выражал свои мысли: «Что такое эволюция - теория, система, гипотеза?... Нет, нечто гораздо большее, чем всё это: она - основное знание, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными». Однако научное обоснование ноосферного учения связано, в первую очередь, с именем Вернадского. Ядром его концепции ноосферы было утверждение, что наблюдается переход биосферы в новое состояние – ноосферу под действием новой геологической силы, научной мысли человечества. В.И. Вернадский сделал вывод, что человечество, превращаясь в новую геологическую сферу, преобразующую своей мыслью лик планеты, должно взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу.

В 1927 г. была издана книга Э. Ле Руа «Потребность в идеализме и факт эволюции разума (L'exigence idealiste et le fait de l'evolution)». В ней он писал, основываясь на идеях А. Бергсона, В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена, что оживотворение вещества и очеловечивание жизни - закономерные этапы геологического развития Земли и утверждал, что дальнейшая эволюция человека связана с переходом к эпохе, когда решающее значение приобретут мысль и дух. Ле Руа подчёркивал: «Начиная с человека, эволюция осуществляется новыми, чисто психическими средствами: через промышленность, общество, язык, интеллект и т. д., и, таким образом, биосфера переходит в ноосферу». Формирование ноосферы – естественный процесс, но он может быть ускорен деятельностью человека. «От нас зависит сделать стихийный процесс сознательным, превратить область жизни – биосферу, в царство разума – в ноосферу», - с новаторским энтузиазмом утверждал автор.

В этой книге впервые был введён в широкий научный оборот термин «ноосфера», хотя ранее его употребил П. Тейяр де Шарден в эссе «Гоминизация (L'Homínisation)», написанном в 1925 г., но изданном лишь в 1957 г. В.И. Вернадский, с присущей ему скромностью, написал позже: «Я принимаю идею Ле Руа о ноосфере. *(Вернадский не знал об эссе Тейяра, распространять которое запретил Орден иезуитов – прим. автора).*

Он развил глубже мою биосферу». В соответствии с этими положениями главной отличительной чертой человека является разум, бесконечно увеличивающий возможности людей. «...Всё человечество, вместе взятое, - писал В.И. Вернадский, - представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом ... Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни...» [Вернадский В.И., 1944].

Несколько иную, религиозно ориентированную (и в этом тоже влияние А. Бергсона) концепцию ноосферы, развивал П. Тейяр де Шарден. Ноосфера в понимании Тейяра представляла собой качественно новое состояние концентрации сознания, которое образует особую сферу духа, «мыслящий пласт», покрывающий Землю [Олейников Ю.В., Оносов А.А., 2008]. Подобно биосфере, это - ещё одна земная оболочка, покров, разворачивающийся «над миром растений и животных - вне биосферы и над ней». В своей программной книге, написанной в 1938-1940 гг. «Феномен человека (Le Phenomene humain), 1955» П. Тейяр де Шарден подчёркивал, что это единая мыслящая оболочка, образующая субстанцию мысли, в которой множество индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте единого мышления. Ноосфера, следовательно, не простая сумма индивидуальных рефлектирующих сознаний людей, а качественно новый сверхиндивидуальный феномен, охватывающий целиком всё человечество, она не тождественна простой совокупности разума отдельных индивидов (история неоднократно показывала, что наличие разума у человека не означает, что человечество в целом действует разумно). Поэтому ноосфера как целое больше, чем простая сумма образующих его элементов.

Мир, согласно П. Тейяру де Шардену, постоянно находится в процессе эволюции, развития от простого к сложному, от низшего к высшему. Графически эволюционный процесс можно изобразить как конус пространства-времени, в основании которого - множественность и хаос, а на вершине - высший полюс эволюции (в этом Тейяр перекликался с «Творческой эволюцией» Бергсона), точка последнего объединения в дифференцированное единство, «точка Омега», «центр, сияющий в центре системы центров». Элементы, или центры (личности) связывает между собой энергия любви. Неотъемлемые атрибуты точки Омега, являющейся универсальным центром эволюции конвергентного универсума, - *автономность, наличность, необратимость* и, в конечном счёте, *трансцендентность*.

Эволюция, по Тейяру де Шардену, не заканчивается на человеке как индивидууме, она продолжается по мере того, как человечество объединяется в сообщества с возрастающей дифференциацией индивидуальных функций и соответственно увеличивающейся степенью взаимосвязи. Человечество всё более плотно заселяет ограниченное пространство Земли, появляются всё новые и новые средства связи. Дивергенция «уступает место... конвергенции, при которой расы, народы и нации консолидируются и совершенствуются путём взаимооплодотворения». От клеток (эмбрионального мыслящего покрова), опоясавших земную поверхность, через человека, активизировавшего мыслительные возможности вещества и реализовавшего возможность самовоспроизводства мыслящего слоя, сфера разума переходит в охватывающие всю планету «пласты ноосферы». Этот «тангенциальный мегасинтез», эта «суперкомбинация» ведут к рывку «радиальных сил по главной оси эволюции», ибо большей сложности соответствует большее сознание. Концентрация мышления в масштабе планеты тесно связана со слиянием воедино человеческого духа, которое в результате дальнейшей эволюции приведёт к возникновению духа Земли. Но и это не последний этап.

В понимании П. Тейяра де Шардена становление ноосферы является продуктом процесса гоминизации - развития самого человека и собственно человеческого мира, его истории. Гоминизация (очеловечивание) представляет собой великий скачок планетарного развития, как и витализация (оживотворение) материи. Гоминизация проявляется в образовании специфически человеческих реальностей, в одухотворении естественного, физического и органического мира и возникновении искусственных - моральных, юридических и др. реальностей, которые являются одновременно «структурными законами ноосферы». Гоминизация - необходимый момент эволюции ноосферы, поскольку однажды возникший «рефлектирующий психический центр... может продолжить существование лишь путём единого двустороннего развития, которое состоит в дальнейшем самососредоточении путём проникновения в новое пространство и, одновременно, в сосредоточении вокруг себя остального мира, путём реальности всё более стройной и лучше организованной перспективы установления в окружающей среде». С момента появления человека существенным фактором эволюции становится рефлективное сознание [Плужанский Т., 1969].

Называя одну из своих важнейших статей позднего периода «Возможная биологическая интерпретация человеческой истории. Формирование ноосферы (Une interpretation biologique plausible de l'histoire humaine. La Formation de la "Noosphere")», 1947», Тейяр обозначил метод своего взгляда как на историю, так и на будущее человечества, рассматривая его социальный механизм новым типом биологической

целостности, в котором неудержимо выражают себя общие закономерности эволюционного движения мира. В этой работе, говоря о будущем, автор выделил внешнюю и внутреннюю стороны процесса гоминизации. Внешняя заключается в том, что планетизирующееся человечество обретает всё большую мощь в покорении энергий внешнего мира, в сверхорганизации материи, а внутренняя – в создании новой «внутренней среды» через «прямое сближение своих членов», высвобождение и расцвет их психических возможностей. Важнейшей из этих возможностей П. Тейяр де Шарден считал любовь, овладение «человеческой массой силами симпатии», симпатии пассивной, согласующей души наподобие телепатического проникновения, и, особенно, активной, когда каждый разумный элемент в среде «высокого ноосферного напряжения» выходит на новый сверх-уровень своего существования [Семёнова С.Г., 2009]. В ноосфере, по Тейяру, наступает общее одухотворение Вселенной как дело мозга и рук человеческих при участии милости Божьей.

Эволюция ноосферы у католика Тейяра де Шардена имеет конечной ступенью теосферу. Духовное объединение человечества - вот движущая сила ноосферы. Причём ноосфера не завершение, а лишь ступень в развитии планеты. Любовь к Богу и порождённая ею любовь к людям и всему сущему приведут к новому этапу эволюции ноосферы, когда совершится её вхождение в мир Божественного совершенства. Эту фазу мировой эволюции П. Тейяр де Шарден называл «точкой Омега». В этом пункте суммируется и собирается в своём совершенстве и своей целостности большое количество сознания, постепенно выделяемого на Земле ноогенезом.

В эссе «Как я верую (Comment croire)», написанном ещё в 1934 г. Тейяр показал, что вера осознаётся как особое уникальное качество разумного существа. Вера включает в себя рациональные, чувственные и эмоциональные данные, и всё же она значительно шире, автономнее и разумнее их, являясь исходной интуицией непоколебимой достоверности чего-то. Вера связана со сферой человеческой воли и чувства, её определяющее свойство – способность одновременно «перепрыгнуть» огромность пространства и отдалённость времени. Автор писал: «Верить – значит производить духовный синтез», верить в мир и человека, через которого проходит ось космогенеза. В этой работе П. Тейяр де Шарден так охарактеризовал свою веру в Бога, эволюцию и ноосферу: «Верю, что Вселенная является Эволюцией; верю, что Эволюция направлена к Духу; верю, что Дух воплощается в существе; верю, что наивысшим существом является Универсальный Христос».

Влияние идей А. Бергсона на культуру и литературу

Философия Анри Бергсона была не только плодотворной для формирования новых научно-философских идей (ноосфера), но и оказала исключительно большое влияние на культуру и литературу первой половины XX века. Культура, по Бергсону, немислима вне свободного творчества личности; свобода же - изначальное, подлинное состояние человека. Развивая традиции Б. Паскаля, Ж.Ж. Руссо, французского спиритуализма и романтизма, А. Бергсон исследовал глубинные дорефлективные пласты человеческого сознания, область длительности - конкретного времени, средоточие свободы, уникальности и творческой самореализации личности. Он писал: «Действовать свободно – значит вновь овладевать самим собой, снова помещать себя в чистую длительность».

В ранних работах Бергсона, в частности, в эссе «Опыт о непосредственных данных сознания» проблема культуры ставилась как проблема соотношения культуры и свободы. Свобода и культура взаимно обуславливают друг друга: хотя сама культура возникает на основе свободы и без неё невозможна, для осознания и проявления свободы необходим определённый уровень культуры. А. Бергсон рассматривал в связи с этим возможность гармонического существования человека в обществе и ставил вопрос о мере и гармонии в самой человеческой жизни. Опасна любая неприспособленность личности к обществу, любые нарушения гармонии, среди которых Бергсон выделял две крайние формы: самоизоляция, уединение человека, его отрыв от общества, и автоматизм, косность самой общественной жизни. Существуют два основных инструмента приспособления человека к обществу: здравый смысл и смех.

В 1900 г. А. Бергсон издал эссе «Смех» (Rire)», небольшое, состоящее из 3-х статей, опубликованных отдельно в 1899 г., острое произведение о природе смешного. Идеалом Бергсона являлся целостный человек, следующий велениям здравого смысла; его антипод - узкий специалист, чуждый глубокому и всестороннему постижению жизни, равнодушный к классическому образованию, которое есть непременно условие подлинной культуры. Рассматривая ещё в ранней лекции, прочитанной в Клермон-Ферране, комическое как то, что «не относится к области чистой эстетики», а преследует цель общественного совершенствования, философ скорее подчеркивал сходство донкихотовского «глубокого комизма романтической мечтательности» с обычным, как он полагал, «поверхностным комизмом». Образ Дон Кихота использовался автором и для иллюстрации в «Материи и памяти»: это «тот грезящий человек», который выражает собой одно из отклонений от здравого смысла. Живя исключительно во внутреннем мире, он стремится приспособить реальность к своим воспоминаниям, а не идеи к реальности. Он именно потому видит в ветряной мельнице врага-великана, с которым вступает в борьбу, что в его сознании

запечатлелось воспоминание о таком великане, навеянное прочитанной когда-то книгой, и это воспоминание господствует над всеми остальными, не считаясь с реальностью.

Следует отдать должное Бергсону: вобрав в свои рассуждения в «Смехе» практически всю до тех пор существовавшую литературу о комическом, двигаясь от элементарных, житейских проявлений комизма к литературным комическим ситуациям и характерам, автор выделял в этой категории доселе не замеченное теоретиками смеха. По его мнению, смех вызывает всякая механическая привычка ума или тела, которая препятствует потоку жизни. Раскрывая механизм смешного, автор подчёркивал, что комедия, как и всякое искусство, способствует прогрессу общества и личности [Пахсарьян Н.Т., 2007]. А цель искусства, по А. Бергсону, должна состоять в том, чтобы «устранять практически полезные символы, общепринятые, условные, общие положения – одним словом всё, что скрывает от нас действительность, чтобы поставить нас с самой действительностью лицом к лицу».

В 1903 г. в «Философском обозрении» Бергсон опубликовал рецензию на книгу английского психолога Д. Салли «Опыт о смехе», которую характеризовал как наиболее полную и документированную работу о природе смеха. Критический разбор, произведённый А. Бергсоном, позволил уточнить его собственный подход к проблеме комического.

Во множестве художественных явлений рубежа XIX – начала XX вв., от поэзии символистов до прозы М. Пруста проступало не только знакомство писателей с его теорией комического, но шире – «бергсонианство» того или иного рода. Нельзя не учитывать того, что художественная концепция смеха у многих писателей этого периода также воплощалась в их творениях «по-бергсоновски».

Затем в «Творческой эволюции» А. Бергсон проявил себя блестящим стилистом, способным излагать сложнейшие философские проблемы изысканным и образным языком. «Творческая эволюция» принесла Бергсону славу не только философа, но и писателя, теоретика литературы. В ней А. Бергсон получил наиболее полное обоснование образа человека, развиваемый в предыдущих работах.

В этой книге автор, возвращаясь к проблеме свободного действия, писал: «резким усилием наша личность должна сжать саму себя, чтобы мы собрали ускользающее от нас прошлое и толкнули его, плотное и неделимое, в настоящее, которое оно создаёт, проникая в него». Здесь А. Бергсон выступил против тезиса о безоговорочной свободе, выдвигаемого спиритуалистами. Свобода есть продукт определённого усилия, на которое субъект решается в самых исключительных случаях, а степень этой свободы зависит от большей или меньшей интегрированности этого действия внутри субъективной длительности. Свободный акт – это полное обращение длительности на себя, полное совпадение субъекта мыслящего и субъекта действующего [Подорога Ю.В., 2009].

Именно за книгу «Творческая эволюция» Бергсон был удостоен Нобелевской премии 1927 г. по литературе «в знак признания его ярких и жизнеутверждающих идей, а также за то исключительное мастерство, с которым эти идеи были воплощены». Особое понимание времени, его незавершимая текучесть, длительность, трактовка жизни как «творческого усилия» и творчества как, в свою очередь, «жизненного порыва» занимали в философии Бергсона центральное место и именно эти аспекты его мысли столь существенно воздействовали на писателей и художников XX столетия. А. Бергсон придавал искусству особый статус интуитивного преодоления плотной рациональной завесы бытия, - преодоления, ведущего к «самой жизни» [Духан И.Н., 2009].

А в работе «Восприятие изменчивости» Бергсон резюмирует свои наблюдения над искусством как первичным модусом интуиции, особо отмечая миссию живописи. Он, задавая вопрос «Как можно требовать от тела или духа, чтобы они видели более того, чем они видят?», писал, что таким исключением являются те, чей горизонт восприятия расширяет границы опыта: «Это художники. Чего добивается искусство, как не того, чтобы заставить нас открыть в природе и духе, вне нас и в нас самих, массу вещей, которые не обнаруживаются с ясностью нашими чувствами и нашим сознанием». Искусство как первичный экстаз интуиции застаёт мир в тайне его взаимопроникающей длящейся множественности диссоциированных состояний.

А. Бергсону удалось то, что редко кому удавалось сделать в истории мировой культуры: стать философом одновременно популярным – и действительно глубоким, неординарным мыслителем. Не менее важную роль играла в культуре 1-ой трети XX века и сама личность философа, его нравственная позиция. Начав свои социально-философские изыскания с определения источников и природы смеха, Бергсон завершил их анализом источников морали и религии. Своеобразие концепции культуры, развитой в одной из поздних его работ «Два источника морали и религии» определялось переплетением в ней философско-религиозных традиций, сохранением в рамках общехристианских установок метафоры жизненного порыва. Автор предложил свой вариант элитарной концепции культуры, предполагающей возможность творческой самореализации человека и осуществляющей свои культуросозидающие способности в деятельности избранных личностей (элиты) [И.И. Блауберг, 2003] Эта позиция А. Бергсона оказала существенное влияние на всю западноевропейскую культурологию.

Значительная часть философии Бергсона, вероятно, именно та часть, которая обусловила популярность этой философии, не зависела ни от каких аргументов и не могла быть опровергнута аргументами. Его образная картина мира, рассматриваемая как поэтическое достижение, в основном не могла быть ни доказана, ни опровергнута.

Философия А. Бергсона оказала значительное влияние на интеллектуальную атмосферу Европы начала XX века, в том числе на литературу. У многих писателей первой половины XX века «поток сознания» из философского метода познания превратился в эффектный художественный приём. Его философия жизни вызвала литературно-исторические реминисценции. Если Шекспир называл жизнь «бродящей тенью», а Шелли сказал, что она подобна «куполу из разноцветного стекла», то Бергсон сравнил её со снарядом, разрывающимся на части, которые суть снова снаряды. Если бергсоновский образ нравится вам больше, то он столь же закончен – утверждали критики того времени.

Чрезвычайно сильно философия А. Бергсона повлияла на поэзию и литературу. За вдохновением и интеллектуальной поддержкой к А. Бергсону обращались многие деятели искусства и литературы. Среди них Марсель Пруст, Клод Дебюсси, Клод Моне, Поль Валери, Андре Моруа, Джеймс Джойс, Бернард Шоу, Томас Элиот, Шарль Пеги и Никос Казанзакис. Бергсоновские воззрения о времени и сознании постоянно фигурировали в произведениях Марселя Пруста и Вирджинии Вулф и в романе Томаса Манна «Волшебная гора».

Представление о времени как переживании тонко выражено М. Прустом в 14-томном цикле романов «В поисках утраченного времени». Цикл романов, являлся выражением его детских воспоминаний, выплывающих из подсознания. Воссоздавая ушедшее время людей, тончайшие переливы чувств и настроений, вещный мир, - писатель насыщал повествовательную ткань произведения причудливыми ассоциациями и явлениями произвольной памяти. «Зрелый Пруст создал свой метод и, применив его в "Утраченном времени", превратил в искусство; силой своего гения и, прежде всего, упорного труда он сумел придать изначальную непрерывность утраченному, однако вечно существу и длящемуся Времени» [Mougiac C., 1953]. М. Пруст передаёт такую непрерывность длинными, «бесконечными фразами, описаниями постоянно меняющихся состояний сознания героев – сознания, в котором восприятия, впечатления, воспоминания наплывают друг на друга, чем создаётся эффект взаимопроникновения». Опыт Пруста - изображение внутренней жизни человека как «потока сознания» по Бергсону имел большое значение для многих писателей XX века.

Отзвуки эстетических идей А. Бергсона ощущались и ощущаются сегодня во многих художественных концепциях разных писателей. Конечно, творчество М. Пруста занимало в этом ряду особое место. Хотя романы Пруста часто называли «грустной книгой», было бы точнее отметить в них особое смешение меланхолии и иронии, создающее особую, неповторимую интонацию прустовского повествования. Оно отнюдь не чуждо воссозданию смеховых аспектов современной ему «бель эпок» – «прекрасной

эпохи» «восстания художественного модернизма», как выразился о ней известный философ XX века Х.-Г. Гадамер. Бергсон чрезвычайно многообразно отозвался в прустовских «Поисках утраченного времени»: в воссоздании художественного времени, в запечатлении причудливого механизма воспоминаний, некоего образа памяти, в самом замысле обрисовать в процессе вдохновенного философского размышления как бы «феномен писателя, создающего шедевр», и, наконец, в удвоенном преломлении, в самой системе персонажей – он угадывался в образе писателя Бергота, в котором также были объединены черты А. Франца, Э. Ренана и Д. Рёскина, но выступал и под своим именем – например, в описании разговора с Бутру о сне и памяти (роман «Содом и Гоморра»). Пруст во многом опирался на идею Бергсона о «чистой незаинтересованности», свойственной духовной памяти, которая только и способна заставить человека пережить мысленно всё прошлое [Блауберг И.И., 2003].

Хотя М. Пруст отнюдь не во всём соглашался с А. Бергсоном, он не мыслил собственных философских размышлений вне бергсоновского контекста, он признавал Бергсона как необходимый компонент духовной атмосферы времени и многое верно трактовал в характере его мысли [Пахсарьян Н.Т., 2007]. Здесь, безусловно, сыграло существенную роль личное знакомство философа и романиста, которое произошло ещё в 1891 г. Сам М. Пруст воспринимал то, что его произведение именуют «бергсонианским», как весьма почётный титул (скорее он воспринимал это с определённой досадой, отстаивая самодостаточность своих представлений). Во всяком случае, посылая в дар философу очередной том «Поисков утраченного времени» – роман 1922 г. «Содом и Гоморра», он писал: «Господину Анри Бергсону, первому великому метафизику после Лейбница (да и более великому), чья творческая система, даже эволюционируя, навсегда сохранит имя Бергсона. – Страстно привязанный к Вам почитатель, смущённый тем, что к его произведениям безо всякого повода применяют слова “бергсонианские романы”... Но любая современная монета несёт на себе четкий отпечаток профиля монарха...»

Человек, являвшийся, по словам Пруста, философским монархом французской словесности начала XX века, довольно часто черпал примеры для своих философских рассуждений из области литературы. И это касается отнюдь не только «Смеха», но и «Материи и памяти», «Творческой эволюции», да, собственно, любого из его сочинений. Но литературность, органическая художественность «великолепного Бергсона», как называл его Х. Ортега-и-Гассет, проявлялась и на уровне чарующего слушателей и читателей стиля: он «осмелился позаимствовать у поэзии орудия её очарования» (П. Вальери), он заслужил также прозвище «самого музыкального из философов». Конечно, дело здесь не только за словесною музыкой его сочинений. Тому способствовала сама

концепция философии не как сухой рассудочной науки, а как творческого порыва, вдохновения сродни эстетическому. «Бесконечная мелодия нашей внутренней жизни», утверждал поэт и мыслитель, может быть уловлена не рационалистически-интеллектуально, а интуитивно». Здесь Бергсон не только и не столько следовал за настроениями своей эпохи, решительно перестраивающей, изменяющей науку, искусство, гуманитарную мысль, закладывающей основы художественной и философской мысли XX века. А. Бергсон «привнес в философию красноречие, воображение, экспансивность, заботу о ценности и уникальности человеческой личности, единственной и незаменимой», - писал известный американский философ и исследователь человека Томас Ханна в 1962 г.

Интуитивизм Бергсона привлекал к себе Бернарда Шоу, чья пьеса «Назад к Мафу-саилу» - это чистое бергсонизанство. Концептуальный пласт А. Бергсона оказал также определённое влияние и на российских писателей и мыслителей. Известный отечественный философ В.Ф. Асмус признавал Бергсона «на редкость талантливым философским писателем».

В 1920-х годах идеи А. Бергсона, высказанные в «Творческой эволюции», привлекли внимание поэта О.Э. Мандельштама. Свидетельство тому - его статья «О природе слова». Интересно, что, в противовес распространённым трактовкам, делавшим упор на изменчивость, текучесть реальности в изложении Бергсона, он увидел в концепции французского философа стремление «спасти принцип единства в вихре перемен и безостановочном потоке явлений». «Мандельштам, опираясь на Анри Бергсона, отвергал подчинение явлений «закону временной последовательности» - они сосуществуют "в порядке их пространственной протяженности", образуя "как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умпостижаемому свертыванию"» [Эткинд Е., 1995].

Определённое влияние идеи Бергсона оказали на творчество российского писателя с «философским уклоном» А.П. Платонова. Отрицая ценность «цивилизации», «производства» и тем более «государственности», Платонов, подобно А. Бергсону, утверждал мысль о ценности отдельной человеческой индивидуальности, минимально связанной общественными ценностями и мифологемами, интеллектуальными клише и идеологической ангажированностью. В центре внимания обоих мыслителей оказывалась творческая интенция точки сознания, представленной человеком и устремленной на окружающий мир (инстинкт) и на себя (интеллект). Эта точка сознания реализует себя в деятельности, ценность которой не сводится к практической пользе, а скорее, отрицает её.

Бергсонизм привлёк русского литератора и мыслителя М.М. Бахтина методологической спецификой исследования времени и пространства, существенной для понимания способов введения этих категорий в теоретико-познавательные тексты с целью

преодоления атемпоральности гносеологии и господства натуралистических представлений о времени и пространстве в теории познания. Можно предположить, что введение Бергсоном понятия длительности свидетельствовало об определённой философской переориентации, связанной со становлением исторического самосознания науки, исследованием методологии исторического познания, с попытками описывать саму реальность как историческую. Было осознано, что время человеческого существования - это иная реальность, исследуемая и описываемая другими методами, нежели физическая реальность. М.М. Бахтин не мог не заметить новизны бергсоновского подхода к времени как длительности, «интуиции» в связи с «жизненным порывом», но полагал, что это «некое эстетическое и теоретическое нечто», которое в лучшем случае можно «выжать» из «субъективного процесса свершения», однако невозможно принять как принцип для приобщения «единой и единственной историчности» [Бахтин М.М., 1986].

А. Бергсон был человеком высокой культуры, блистательным, несравненным в своём роде философом, лектором, учителем, способным внушить любовь и бесконечную преданность как своим ученикам и последователям, так и широкому кругу творческих деятелей культуры – писателям, поэтам, художникам и музыкантам.

Как философ, мыслитель, идеолог культуры и литературы Бергсон достиг мировой известности. Он одним из первых подверг философскому осмыслению источники войн, их причин и возможности их прекращения и осуществления взаимопонимания народов. «Одумайтесь, примите верное решение!» - призвал А. Бергсон в «Двух источниках ...». Он обращался и к политикам, всё ещё надеясь на возможность миротворческих политических решений. Кроме того, на практике он был одним из крупнейших борцов за мир и международное сотрудничество своего времени. Идеи Бергсона существенным образом повлияли на всю духовную жизнь XX века. В них было выражено характерное для человека убеждение в реальности, а не иллюзорности свободы. Книги Бергсона заставили многих людей задуматься о смысле времени и творческих возможностях, заключённых в жизни.

«Величие Бергсона, – писал близкий по духу французскому мыслителю немецкий философ Макс Шелер, – заключается в той силе, с которой он сумел дать иное направление отношению человека к миру и душе». А Шарль Пегги, одарённейший ученик А. Бергсона видел в своём скромном учителе пророка, не имеющего ни этого высокого звания, ни своей церкви.

Благодарности.

Автор выражает искреннюю благодарность:

- **Б.Г. Режабеку**, директору Института ноосферных исследований и разработок Международного экологического фонда, научному руководителю Российско-французского проекта «Ноосферный мост», академику и члену президиума Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности – *за всестороннюю концептуальную и моральную поддержку;*
- **В.П. Визгину**, ведущему научному сотруднику Института философии РАН, автору предисловия данной брошюры – *за ценные замечания, сформулированные при её подготовке;*
- **И.И. Блауберг**, автору фундаментальной монографии об А. Бергсоне, широко используемой при написании брошюры, – *за полезные советы в процессе её редактирования;*
- **С.Г. Семёновой**, главному научному сотруднику Института мировой литературы РАН, профессору *- за помощь при написании главы «А. Бергсон как предтеча учения о ноосфере».*
- **И.Н. Ивановской**, хранителю мемориального кабинет-музея В.И. Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, старшему научному сотруднику

Сведения об авторе.

Н о в и к о в Юрий Юрьевич

- доктор философии;
- академик и член президиума Академии Русских предпринимателей;
- академик Российской народной академии наук;
- профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка;
- декан факультета и профессор Института Русского предпринимательства;
- руководитель отдела Института ноосферных разработок и исследований при Международном экологическом фонде;
- исполнительный директор Российско-французского проекта «Ноосферный мост»;
- заместитель председателя общественного совета Международного фонда «Русская соборность»;
- член президиума Всемирной лиги «Нравственность, творчество, безопасность и процветание»;
- действительный член Российского философского общества и член бюро его секции «Философские проблемы ноосферы»;
- журналист, член Союза славянских журналистов, лауреат его конкурса «России верные сыны» (серебряная медаль);
- лауреат медали Парацельса Европейской академии естественных наук;
- кавалер Павловского Мальтийского креста Российского дворянского общества;
- *автор* 128 научных статей, тезисов докладов и методических разработок, 7 книг и брошюр.